

Конспект по нравственному богословию

Митрополит Филарет (Вознесенский)

(По книге “Христианская Жизнь” прот. Н. Вознесенского).

Содержание:

1. Нравственный закон.	16. Грехи саморазрушения.
2. Греховность человеческого рода.	17. Отношение к ближним.
3. Христианская добродетель.	18. Желание добра всем.
4. Богооткровенный закон.	19. Грехи против ближних.
5. Вопрос о свободе воли.	20. Нехристианские системы этики.
6. Обязанности человека.	21. Христианская любовь.
7. Смирение.	22. Влияние христианства на все стороны жизни.
8. Падение и обращение грешника.	23. Семья и государство.
9. Спасение в Церкви.	24. Служение отечеству.
10. Совершенствование.	25. Коммунизм.
11. Развитие сердца.	26. Отношение к Богу.
12. Другие эмоции.	27. Богопознание.
13. Развитие воли.	28. Молитва.
14. Труд.	29. Молитва Господня.
15. Храм тела.	30. Виды молитвы.

1. Нравственный закон

Действия нравственные и безнравственные. Совесть, три ее функции. Условия нравственного вменения. Прирожденность нравственного закона.

На всем земном шаре из всех существ, населяющих его, один только человек имеет понятие о нравственности. Всякий знает, что действия человека бывают или хороши — или дурны, или добры — или злы, нравственно-положительны — или нравственно-отрицательны (безнравственны). И этими понятиями о нравственности человек неизмеримо отличается от всех животных. Животные поступают так, как свойственно поступать им по природе, или же так, как они приучены, напр., дрессировкой. Но они не имеют понятия о нравственном и безнравственном, а потому их поступки нельзя рассматривать с точки зрения понятий о нравственности.

Как же различить — нравственно-доброе от нравственно-дурного? Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью. Эта совесть и есть основа общечеловеческой нравственности. Человека, который никогда не слушал своей совести и усыпил ее, заглушил ее голос

ложью и мраком упорного греха, часто называют бессовестным. Слово Божие таких упорных грешников называет людьми с сожженной совестью (1 Тим 4:2); их душевное состояние крайне опасно и может оказаться губительным для души.

Когда человек прислушивается к голосу своей совести, — он видит, что эта совесть в нем говорит, прежде всего, как судья, строгий и неподкупный, оценивающий все поступки и переживания человека. И часто бывает так, что какой-либо данный поступок выгоден человеку или же вызвал одобрение у других людей, а в глубине души этот человек слышит голос совести: “это — нехорошо, это — грех...”

В тесной связи с этим совесть в душе человека действует еще как законодатель. Все те нравственные требования, которые стоят пред душой человека при всех его сознательных действиях (напр.: делай добро, будь правдив, не кради и т.д.) являются именно нормами, требованиями, предписаниями этой самой совести. И голос ее учит нас как нужно и как не нужно поступать. Наконец, совесть еще действует в человеке как мздовоздаятель. Это бывает тогда, когда мы, поступив хорошо, испытываем мир и спокойствие в душе, и наоборот, после совершения греха испытываем упреки совести. Эти упреки совести иногда переходят в страшные душевные терзания и муки и могут довести человека до отчаяния или до потери душевного равновесия, если он не восстановит мир и спокойствие в совести чрез глубокое и искреннее покаяние... (Ср. у Пушкина — монолог Скупого Рыцаря и Бориса Годунова, а также “Преступление и наказание” Достоевского).

Само собой понятно, что человек несет нравственную ответственность только за те поступки, которые он совершает, во 1-х, в сознательном состоянии и, во 2-х, будучи свободен при совершении этих поступков. Только тогда к этим поступкам применяется нравственное вменение, и только тогда они, как говорят, человеку вменяются в вину, в похвалу или в осуждение. В противоположность этому, люди, не сознающие характера своих поступков (младенцы, лишённые рассудка и т. д.) или же насильно вынужденные совершать их против своей воли, — считаются невменяемыми, и ответственности за эти поступки не несут. В эпоху гонений на христианство, язычники-мучители клали мученикам на руку ладан и держали ее над огнем своего пылающего жертвенника. Мучители рассчитывали на то, что мученик не выдержит огня, пошевелит пальцами (или отдернет руку) и ладан упадет на огонь. Правда, обычно исповедники веры были настолько тверды духом, что предпочитали сжечь пальцы, но ладан не роняли; но если бы и уронили — кто мог бы утверждать то, что они принесли жертву идолу? Само собой понятно, что пьяных нельзя признать невменяемыми, т. к. они начинали свое пьянство в нормальном и трезвом состоянии, прекрасно зная о последствиях опьянения. Поэтому в некоторых государствах северной Европы человек за совершение преступления в пьяном состоянии наказывался вдвойне: 1) за то, что напился, и 2) за самое преступление. Несомненно то, что нравственный закон должен быть признан для людей врожденным, т. е. вложенным в самую природу человека. За это говорит несомненная всеобщность в человечестве понятий о нравственности. Конечно, прирожденную может быть признана только сама нравственная потребность, своего рода нравственный инстинкт, но не раскрытые и ясные нравственные понятия и идеи. Такие ясные нравственные понятия и идеи развиваются в человеке отчасти через воспитание и влияние предшествовавших поколений, наиболее же всего на основе религиозного чувства. Поэтому у грубых язычников нравственные нормы ниже, грубее, уродливее, чем у нас, христиан, знающих и верующих в Истинного Бога — Того, Который вложил в душу человека нравственный закон, и через этот закон руководит всею его жизнью и деятельностью.

2. Греховность рода человеческого

Отражение греховности в душе человека — в сфере ума, чувства и воли. Последовательные стадии — степени греха. Три источника греха.

Мы, все христиане, знаем из св. Библии и веруем в то, что Бог создал человека по образу Своему и по подобию. Поэтому в творении человек получил безгрешную природу. Но еще первый человек Адам не остался безгрешным, утратив свою первозданную чистоту в первом райском грехопадении. Отрава этой греховности заразила собою весь род человеческий, происшедший от согрешивших прародителей — подобно тому, как из отравленного источника истекает отравленная вода. А так как каждый человек к унаследованной от прародителей склонности ко греху прибавляет еще свои личные грехопадения — то нет ничего удивительного в том, что св. Библия о каждом из нас говорит: “несть человек, иже жив будет день един, и не согрешит...” Абсолютно чист от всякого греха только один Господь Иисус Христос. Даже праведники, угодники Божии имели в себе грех и, хотя с помощью Божией боролись с ним, смиренно признавали себя грешниками. Таким образом, все без исключения люди — грешны, заражены грехом.

Грех есть духовная проказа, болезнь и язва, поразившая всю природу человека и душу и тело его. Грех повредил все три основные способности или силы души: ум, чувство (сердце) и волю. Ум человека помрачился и сделался склонным к заблуждению (у римлян была поговорка: “errare humanum est” — человеку свойственно ошибаться), и человек постоянно ошибается — и в науке, и в философии, и в своей практической деятельности. Быть может, более всего повреждено грехом сердце человека, — центр его переживаний и чувствований добрых и злых, печальных и радостных. И мы видим, что наше сердце затянулось тиной и плесенью греха, утратило способность чувствований чистых, духовных и христиански-возвышенных. Вместо этого оно сделалось склонным к усладам чувственности и земным привязанностям, а также заражено тщеславием и иногда поражает полным отсутствием любви и благожелательности к ближнему.

Но, конечно, более всего повреждена и скована грехом наша воля, как способность действия и осуществления намерений человека. В особенности человек оказывается бессилем в своей воле там, где нужно осуществить истинное христианское добро — хотя бы он и хотел этого добра... О таком печальном бессилии воли Ап. Павел говорит в послании к Римл. 7:19. “Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю.” И потому-то о человеке грешнике Христос Спаситель сказал: “*Всякий, делающий грех, есть раб греха*” (Иоан. 8:34), хотя — увы! — самому грешнику служение греху часто кажется свободой, а борьба с сетями греха — рабством...

Как же развивается грех в душе человека? Св. отцы подвижники христианского аскетизма и благочестия, лучше всех “ученых” психиатров знавшие грешную человеческую душу, различают следующие стадии — степени греха: первый момент в грехе — прилог, когда в сознании человека только обозначился тот или иной соблазн — греховное впечатление, грязная мысль и т. д. Если в этот первый момент человек решительно и сразу отвергнет грех, — он не согрешит, а победит грех и для души своей будет иметь плюс, а не минус. В прилоге легче всего одолеть грех. Если прилог не отвергнут, — он переходит сначала в неясное стремление, а затем в осознанное, ясное желание греха. Здесь человек уже начинает склоняться к греху данного рода. Но без особо тяжелой борьбы он здесь мо-

жет не поддаться греху и не согрешить, в чем ему поможет ясный голос совести, и помощь Божия, если он прибегнет к ней.

Но вот — человек впал в грех. Упреки совести звучат громко и ясно, вызывая у не испорченного еще человека лишь резкое отвращение к данному греху. Исчезает прежняя самоуверенность и человек смиряется (ср. Ап. Петра до и после отречения). Но и здесь еще победа над грехом не столь трудна, на что указывают многочисленные примеры (того же Ап. Петра, св. царя и Пророка Давида и других покаявшихся грешников).

Труднее бороться с грехом — когда он, чрез частое повторение, обратится у человека в привычку. После приобретения вообще всякой привычки, привычные действия совершаются человеком очень легко, почти незаметно для него — сами собою. А поэтому и борьба с грехом, который стал для человека привычным, очень трудна, т. к. ему трудно уже не только преодолеть себя, но и уследить, заметить приближение греха.

Еще более опасной стадией греха является порок. В этом случае грех настолько владеет человеком, что сковывает волю его как бы целями. Человек здесь уже почти бессилён бороться с собой и является рабом греха, хотя сознает его вредоносность и в минуты просветления, быть может, ненавидит его от всей души (таков напр. порок пьянства, наркомании и ему подобные). Здесь без особой милости и помощи Божией человек уже не может справиться с собою и нуждается и в молитве, и в духовной поддержке других. Нужно при этом помнить, что даже любой мелкий грех, напр. болтовня, любовь к нарядам, пустым развлечениям и т. д., может сделаться у человека пороком, если он вполне овладеет им и заполнит собой его душу.

Высшею степенью греха, при которой он уже совсем поработает себе человека, является страсть того или иного греховного типа. В этом состоянии человек уже не может ненавидеть свой грех, как в пороке (в этом разница между ними), но подчиняется греху во всех своих переживаниях, действиях и настроениях (срав. Плюшкина из “Мертвых Душ” или Феодора Карамазова из “Братьев Карамазовых,” также — сребролюбца Иуду Искарота). Здесь человек прямо и буквально впускает (как и сказано про Иуду в Св. Евангелии) сатану в свое сердце, и в этом состоянии кроме благодатной церковной молитвы и воздействия — ничто ему не поможет.

Но есть еще один особый, ужаснейший и погибельный род греха. Это — смертный грех. Человеку, находящемуся в состоянии такого греха, не поможет даже и церковная молитва! Об этом прямо говорит Ап. Иоанн Богослов (1 Иоан. 5:16), когда он, призывая нас молиться за согрешающего брата, прямо указывает на бесполезность молитвы за непрощаемого грешника...

Сам Господь Иисус Христос об этом грехе говорит, что этот грех — хула на Духа Святаго — не отпустится, не простится людям ни в сем веке, ни в будущем. Эти грозные слова Он произнес против фарисеев, которые ясно видели, что Он все творит по воле Божией и силою Божией — и, однако, ожесточенно извращали истину, клеветнически утверждая, будто бы Он действовал силой злого, нечистого духа. Они погибли в своем богохульстве, и этот пример их поучителен и грозен для всех тех, кто грешит смертным грехом — упорным и сознательным противлением несомненной истине, а поэтому и хулой на Духа Истины — Святаго Духа Божия... Необходимо заметить то, что даже хула на самого Господа Иисуса Христа может быть прощена человеку (по Его же словам), т. к. она может быть совершена по неведению или временному ослеплению. Хула же на Св. Духа может быть, по учению св. Афанасия Великого, прощена только тогда, когда человек прекратит ее раскаявшись, но — увя этого обычно не бывает, т. к. самый род, самый характер греха

таков, что делает для человека почти невозможным возврат к истине. Слепленный может прозреть и возлюбить открывшуюся ему истину, загрязненный пороками и страстями может омыться покаянием и сделаться исповедником истины, — но кто и что может изменить хулителя, видевшего и знавшего истину и упорно отрицавшему и возненавидевшему ее?! Это ужасное состояние подобно состоянию диавола, который верует в Бога и трепещет, и однако, ненавидит Его, хулит Его и противится Ему...

Когда пред человеком предстаёт соблазн, искушение грехом, то исходит обычно это искушение из трех источников: от собственной плоти человека, от мира и от диавола.

Что касается плоти человека, — то совершенно несомненно, что она во многих отношениях является гнездилищем, источником противонравственных предрасположений, стремлений и влечений. Прародительский грех — это печальная общая наша склонность к греху, наследственность от грехов наших предков и наши личные греховные падения — все это, суммируясь и взаимно усиливаясь, и создает в нашей плоти источник искушений, греховных настроений и поступков.

Еще чаще источником соблазна является для нас окружающий нас мир, который, по слову ап. И. Богослова, *“весь во зле лежит”* (1 Иоан. 5:19), и дружба с которым, по слову другого апостола, есть вражда с Богом (Иак. 4:4). Соблазняют окружающая среда, окружающие нас люди (в особенности, намеренные, сознательные соблазнители и развратители молодежи, о которых Господь сказал, *“если кто соблазнит одного из малых сих — лучше ему, чтобы повесили ему мельничный жернов на шею, и утопили бы в пучине морской”*). Соблазняют внешние блага, богатство, комфорт, безнравственные танцы, грязная литература, бесстыдные *“наряды”* и т. д. — все это, безусловно, смрадный источник греха и соблазна...

Но главным и коренным источником греха является, конечно, диавол — тот о ком ап. Иоанн Богослов сказал: *“кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил”* (1 Ин. 3:8). Борясь с Богом и Его правдой, диавол борется и с людьми, стремясь погубить каждого из нас. Особенно явно, зло и непосредственно — лично, боролся он со святыми (даже дерзнул искушать самого Г. И. Христа), как мы видим в Евангелии и в житиях святых. Нас — немощных и слабых — Господь ограждает Своею силою от тех лютых искушений, которым подвергались от диавола сильные духом угодники Божии. Однако и нас он не оставляет без внимания, действуя через соблазны мира и плоти, делая их более сильными и заманчивыми, а также искушая разного рода греховными мыслями. (В последние же годы его злое влияние, помимо всего прочего, в особенности сказывается в эпидемии разного рода самоубийств). Поэтому ап. Петр диавола сравнивает с рыкающим львом, который ходит вокруг нас *“Ища кого поглотить...”* (1 Петра 5:8).

3. Христианская добродетель

Нравственный характер. Жизнь христианина как борьба и подвиг. Необходимость духовного бодрствования.

Полною противоположностью греху является добродетель. Зачатки ее находятся в каждом человеке — как остатки того естественного добра, которое было вложено в природу человека его Творцом. Но в чистом и совершенном виде она может Быть только в христианстве, так как Христос Спаситель сказал: *“без Меня не можете творить ничего”* — без Меня не можете делать ничего истинно доброго...

Христианство учит нас тому, что земная жизнь человека есть время подвига, время приготовления человека к будущей вечной жизни. Следовательно, — задача земной жизни человека заключается в том, чтобы должным образом подготовиться к грядущей вечности. Скоротечна земная жизнь — и не повторяется она, ибо один раз живет человек на земле. А потому — в этой земной жизни должен он трудиться в делах добродетели, если не хочет он погубить душу свою, ибо именно этих дел, добра, потребует от него Правда Божия на пороге вечности.

Каждый христианин, при помощи Божией, есть творец своей земной жизни — в смысле направления ее в сторону добродетели. Но для того, чтобы быть добродетельным, он должен творить добро другим, и работать над самим собою, борясь со своими недостатками и пороками, и развивая в себе добрые, христиански-ценные начала. И эта борьба, и эта работа над собой, этот подвиг земной жизни человека — необходимы для каждого христианина. Сам Господь сказал: “Царствие Божие силою нудится (т. е. усилием достигается) и нуждницы (т. е. употребляющие усилие) достигают его...”

В таком подвиге жизни у каждого человека вырабатывается его нравственный облик. И, конечно, христианин должен быть христианином прежде всего, человеком с установившимся твердым нравственным характером и должен стремиться к выработке такого характера. Другими словами, он должен стремиться к улучшению себя, к нравственному совершенству.

Итак, с христианской точки зрения, жизнь есть борьба, подвиг, путь постоянного стремления к добру и совершенству. И остановки на этом пути не может быть, по закону духовной жизни. Человек, переставший работать над собою, не останется таким, как был, а непременно сделается хуже — подобно тому, как камень, брошенный вверх и переставший подниматься, не останется висеть в воздухе, а непременно упадет вниз...

Мы уже знаем, что наши грехи обычно происходят от трех источников: от диавола, от мира, лежащего во зле, и от нашей собственной греховной плоти. А так как грех есть главный враг и помеха добродетели, то очевидно, что христианин, стремящийся к добродетели, должен просить милость и помощь Божию, бороться против греха во всех его видах. В частности, здесь необходимо вспомнить слова Спасителя апостолам в Гефсиманском саду: “*бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение.*” Этими словами Господь не только апостолам, но и всем нам указывает на то, что борьба с греховными искушениями возможна только для того, кто бодрствует и молится, стоя на страже своих переживаний.

4. Богооткровенный закон

Недостаточность одного внутреннего закона. Значение для нас Закона Моисеева и закона Новозаветного.

Задача земной жизни человека — в том, чтобы приготовить себя для вечного спасения и блаженства. Для этого человек должен жить свято и беспорочно, иными словами, по воле Божией.

Как же может человек узнать эту волю Божию? Конечно, прежде всего — в своей совести, которая по этому и называется голосом Божиим в душе человека. И если бы падение в грех не омрачило душу человека, то он мог бы безошибочно и твердо направлять свой жизненный путь по указаниям своей совести, в которой выражается внутренний нравственный закон. Но кто же не знает того, что у грешного человека не только повре-

ждены ум, сердце и воля — но и совесть помрачилась, и суд и голос ее потерял свою безусловную ясность и силу. Недаром некоторых людей, как мы уже говорили, зовут бесвестными.

Таким образом, одной совести — ее внутреннего голоса — оказалось недостаточным для того, чтобы человек жил и действовал по воле Божией. Явилась необходимость во внешнем руководителе, во внешнем богооткровенном законе. Такой закон и был дан Богом людям — в двух видах: сначала подготовительный — ветхозаветный закон Моисеев, затем — полный и совершенный Евангельский закон.

В законе Моисеевом нужно различать две стороны: 1) религиозно-нравственную и 2) религиозно-обрядовую, тесно связанную с историей и бытом еврейского народа. Конечно, вторая сторона для нас, христиан, отошла в прошлое — отошли национально-обрядовые правила и законы. Но религиозно-нравственные законы Моисея — сохранили всю свою силу и в христианстве. Поэтому все 10 заповедей закона Моисеева — обязательны для христиан, и христианство их не отменило. Наоборот — христианство научило людей понимать эти заповеди не внешне-буквально, в порядке слепого рабского послушания и внешнего исполнения их, а раскрыло их глубокий смысл и научило совершенному и полному их пониманию и исполнению. Но, конечно, для нас, христиан, закон Моисеев имеет значение только потому, что его главные заповеди (10 заповедей, заповеди о любви к Богу и ближнему) — приняты и раскрыты христианством. Руководствуемся же мы в своей жизни не этим подготовительным и временным законом Моисеевым, а совершенным и вечным законом Христовым. Св. Василий Великий говорит: “Если смешон тот, кто при солнце зажигает пред собою светильник, то гораздо смешнее тот, кто при евангельской проповеди остается в законной (ветхозаветной) тени...” Главное отличие Новозаветного закона от Ветхозаветного заключается в том, что закон Ветхозаветный смотрел на внешность поступков человека, а Новозаветный смотрит на сердце человека, на внутренние его побуждения. В Ветхозаветном законе человек повиновался Богу — как раб своему господину, в Новом завете — он стремится к тому, чтобы повиноваться ему, как сын повинуется любимому отцу...

В настоящее время многие неправильно смотрят на Ветхозаветный закон: ничего доброго в нем не видят, а только отыскивают черты грубости и жестокости. Это — неверный взгляд. Нужно помнить ту низкую степень духовного развития, на которой стояли люди тогда — тысячи лет тому назад. И в условиях тогдашних, действительно грубых и жестоких нравов, те правила и нормы Моисеева закона, которые кажутся нам теперь жестокими (напр. “око за око, зуб за зуб” и т. д.), — в действительности не были такими. Они, конечно, не уничтожали человеческой жестокости и мстительности [это могло сделать только Евангелие] — но сдерживали ее и ставили ей твердые и строгие границы... Кроме того, не следует забывать того, что те заповеди о любви к Богу и ближнему, на которые указал Господь, как на главнейшие, — взяты Им именно из закона Моисеева (Мар. 12:29-31). Об этом законе св. Ап. Павел сказал: “закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра...” (Римл. 7:12).

5. Вопрос о свободе воли

Детерминизм, его разбор. Ложное и истинное понятие об индетерминизме. Влияние на нас мотивов, и свобода выбора. Сознание нами своей свободы, и факт раскаяния.

Мы уже знаем то, что человек несет ответственность за свои поступки только тогда, когда он бывает свободен при их совершении. Но имеет ли и он ту духовную свободу, свободу воли, которая предполагается здесь? В последнее время в человечестве сильно распространилось учение, которое называется детерминизмом. Последователи этого учения — детерминисты — не признают в человеке свободы воли. Они утверждают, что в каждом отдельном поступке человек действует только по внешним причинам. По их учению, человек всегда действует только под влиянием мотивов и побуждений, не зависящих от него, и подчиняется обычно сильнейшему из этих мотивов. Эти ученые говорят: “нам только кажется, что мы поступаем свободно, это-самообман.” Знаменитый философ 16 века Спиноза защищал это мнение. Он, в виде примера, говорил о брошенном камне, что если бы этот камень мог думать и говорить, — то он также сказал бы, что он летит и падает на то место, куда ему самому хочется. А в действительности — летит он только потому, что его кто-то бросил, а падает под действием силы тяжести.

К этому примеру мы возвратимся ниже. А пока заметим следующее. Учение, противоположное детерминизму и признающее в человеке свободу воли, называется индетерминизмом. Это учение принимается христианством. Но нужно помнить, что существуют крайние индетерминисты, учение которых принимает односторонне-ложный характер. Они говорят, что свобода человека есть его полная власть поступать именно так, как ему хочется. Таким образом, в их понимании, свобода человека есть полный его произвол, полная власть поступать по любому своему желанию или капризу. На ложную приманку такой “свободы” завлекли и захватили социалисты и коммунисты весь несчастный обманутый русский народ (о такой “свободе” говорит св. Ап. Петр. 1 Петра 1:15-16 ст. и 2 Петр. 2:19). Конечно, это не свобода. Это злоупотребление свободой, извращение ее. Человек не имеет абсолютной, безусловной свободы, такой высшей творческой свободой обладает только Всемогущий Бог.

В противоположность такому ложному индетерминизму, истинный индетерминизм учит иначе. Его учение говорит о том, что человек несомненно находится под влиянием внешних мотивов и побуждений самого различного рода. Так напр., на него действуют окружающая среда, условия жизни, политическая обстановка, его образование, культурное развитие и т. д. — все это отражается в чертах его нравственного облика. В этом признании того, что на человека действуют — и иногда очень сильно — различные внешние мотивы и влияния, индетерминисты согласны с детерминистами. Но дальше — коренное расхождение. В то время как детерминисты говорят, что человек поступает так или иначе только под влиянием сильнейшего из мотивов, а свободы не имеет — индетерминисты утверждают, что он всегда свободен избрать любой из этих мотивов. Этот мотив может быть вовсе не сильнейшим, мало того, человек может даже предпочесть мотив, который другим людям покажется явно невыгодным. Примером этого может служить подвиг мучеников, которые мучителям язычникам казались безумцами, сознательно губившими себя. Таким образом, в воззрении индетерминизма, свобода человека — не безусловно творческая свобода, а свобода выбора, свобода нашей воли решить — поступить так или иначе.

Христианство принимает именно такое понимание человеческой свободы, соглашаясь с индетерминизмом. Применяя его к области нравственной, к вопросу о борьбе между добром и злом, между добродетелью и грехом, христианство говорит, что эта свобода человека есть его свобода выбора между добром и злом. По научно-богословскому определению “свобода воли есть наша ни от кого и ни от чего не зависящая способность самоопределения по отношению к добру и злу.”

Теперь мы можем сразу разобраться в примере Спинозы о падающем камне. Мы убедились в том, что человек обладает свободой были в смысле выбора поступить так или иначе. Спиноза считает полет камня аналогией с действиями человека. Но это можно было сделать только в том случае, если бы камень имел свободу выбора — лететь или не лететь, упасть или не упасть. Но у камня такой свободы, очевидно, нет, а потому данный пример является совсем неубедительным...

Несостоятельность детерминизма, отрицающего свободу воли, видна еще вот из чего. Во 1-х, ни один детерминист в практической жизни не осуществляет своего учения. И ясно, — почему именно. Ведь если смотреть на жизнь со строго детерминистической точки зрения, то не следует наказывать никого — ни ленивого ученика за ленность, ни вора за воровство, ни убийцу и т. д., т. к. они не действовали свободно, а были бы лишь рабами, безвольными исполнителями того, что повелевали им мотивы, повлиявшие на них извне. Абсурдный, но вполне последовательный вывод из детерминизма... Во 2-х, доказательством свободы воли служит факт всем известного переживания души, которое называется раскаянием и каждому знакомо по личному опыту... На чем основано это чувство раскаяния? Да очевидно, на том, что раскаивающийся человек мысленно возвращается к моменту совершения своего дурного поступка и оплакивает свой грех, сознавая ясно, что он мог поступить иначе, мог сделать не зло а добро. Очевидно, что такое раскаяние не могло бы иметь места, если бы человек не обладал свободой воли, а был бы безвольным рабом внешних влияний. В таком случае он не отвечал бы за свой поступок...

Мы, христиане, признаем человека нравственно-свободным, управляющим своею собственною волею и поступками и, следовательно, ответственным за них пред Правдой Божией. И такая свобода есть величайший дар человеку от Бога, Который ищет от него не механического повиновения, а свободно-сыновнего послушания любви. И Господь Сам утвердил эту свободу говоря *“Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною.”* (Матф. 16, 24), а в Ветхом завете сказал чрез пророка: *“Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое “* (Второзак. 30:15-19).

6. Обязанности человека

Обязанности к себе: развитие духовной личности (отличие от эгоизма). Постепенность этого развития.

Живя в этом мире, христианин находится в постоянном, живом взаимодействии с Богом, и с ближними — с окружающими людьми. Вместе с этим, в течение всей жизни заботится о самом себе — о своем телесном благополучии и душевном спасении. А поэтому — и его нравственные обязанности можно разделить на три группы: обязанности 1) по отношению к самому себе, 2) к нашим ближним и 3) высшие обязанности по отношению к Богу.

Первой, и самую важной обязанностью человека в отношении к самому себе является выработка в себе духовной личности — нашего истинного, христианского “я.” Духовная личность христианина это не есть что-то данное ему сначала, нет, это есть нечто искомое, приобретаемое и вырабатываемое его личными трудами и усилиями. Ни тело христианина, с его способностями, сипами и стремлениями, ни самая душа его как прирожденный центр его сознательных переживаний, как жизненное начало — не есть его духовная личность, духовное “я.” Эта духовная личность в христианине есть то, что резко отличает

его от всякого нехристианина, и в Священном Писании называется не душою, а духом. Этот дух — есть именно центр, средоточие духовной жизни, он стремится к Богу и бессмертной, блаженной вечной жизни. Задачу всей жизни человека мы определяем как необходимость использовать земную временную жизнь, для приготовления к вечной, духовной жизни. В данном случае это можно сказать и другими словами. Именно — задача земной жизни человека заключается в том, чтобы он в течение этой жизни сумел создать, выработать свою духовную личность, свое истинное живое, вечное “я.”

О своем “я” можно заботиться по-разному. Есть люди, которых называют эгоистами и которые очень заботятся о своем “я” и лелеют его. Но эгоист думает только о себе, и ни о ком более. В своем эгоизме он стремится добиться личного своего благополучия и счастья каким угодно путем — хотя бы ценою страдания и несчастья ближних. И в своем ослеплении он не замечает того, что с истинной точки зрения — в смысле христианского понимания жизни — он только вредит себе, своему бессмертному “я.”

И вот — христианство, призывая человека к созиданию своей духовной личности, заповедует ему и здесь, в путях этого созидания, — различать добро и зло, и истинно-полезное от мнимо-полезного и вредного. Оно учит нас тому, что мы должны все, дарованное нам от Бога, — здоровье, силы, способности, природные свойства и качества — все это считать не за свое “я,” а именно за дарования нам от Бога, И это мы должны употребить (как материалы при постройке здания) — на созидание своего духа. А для этого мы должны все эти “таланты,” данные Богом, употребить не только для себя — эгоистически, но и для других. Ибо законы Небесной Правды противоположны законам земной выгоды. По понятиям земным — приобретает тот, кто на земле собрал для себя; по учению Божией Небесной правды, приобретает (для вечности) тот, кто в земной жизни — раздает и благотворит. В известной притче о неправильном домоправителе (Луки 16 гл.) главную мысль и ключом к правильному пониманию ее — и является принцип противоположности между понятиями земного эгоизма и Божией правды. В этой притче Господь земное богатство, собранное эгоистически — для себя, прямо назвал “богатством неправедным” и заповедал употреблять его не для себя, а для других, чтобы быть принятым в вечные обители.

Идеал христианского совершенства недостижимо высок. “*Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный,*” сказал Христос Спаситель (Матф. 5, 48). И поэтому — в работе человека над собой, над своей духовной личностью — не может быть конца. Вся земная жизнь христианина есть беспрестанный подвиг нравственного самоусовершенствования. И конечно, совершенство христианское дается человеку не сразу, но постепенно. Преподобный Серафим Саровский одному христианину, который, по своей неопытности, думал сразу достичь святости, говорил: “все делай потихоньку и не вдруг, добродетель не груша, ее вдруг не съешь...” И Апостол Павел, при всей своей духовной высоте и мощи, не считал себя достигшим совершенства, но говорил, что он еще только стремится к такому совершенству — “*к почести высшего звания во Христе Иисусе...*” (Фил. III, 12-14).

7. Смирение

Добродетели смирения, духовного плача и правдолюбия (1, 2 и 4 зап. блаженства по Ев. Матф).

По учению св. отцев — подвижников и светильников христианского благочестия, первым из всех “христианских добродетелей является смирение. Это та добродетель, без ко-

торой не может быть приобретена никакая другая, и без которой немислимо духовное совершенствование христианина. Сам Христос Спаситель Свои новозаветные заповеди блаженства начинает заповедью о смирении: “блажени нищие духом, яко тех есть царство небесное!..”

Нищими — в обычном значении этого слова — мы называем тех людей, которые ничего не имеют и просят помощи у других. (Такие нищие — отнюдь не всегда “блаженны” ибо среди них есть воры, и пьяницы, и обманщики, и т. д.). Христианин же (всякий — и нищий, и богатый) должен сознавать себя нищим духовно — т. е. видеть, что в нем нет ничего своего доброго. Все доброе в нас — от Бога. От себя же мы прибавляем лишь зло: себялюбие, прихоти чувственности, и греховную гордыню. И это должен помнить каждый из нас. Ибо не напрасно сказано в Свящ. Писании: “Бог гордым противится, а смиренным подает благодать.” И, как уже мы сказали, без смирения невозможна и вообще никакая другая добродетель, ибо совершая ее не в духе смирения, человек непременно впадает в богопротивную гордыню и отпадает от милости Божией...

Рядом с искренним глубоким смирением у христианина должен стоять духовный плач, о котором говорится во 2-й заповеди блаженства. Кто не знает того, что смирение у человека часто бывает неглубоко и обманчиво. Мало того — не без причины создалась поговорка “смирение (уничужение) паче гордости.” Часто человек, казалось бы, смиряется, осуждает себя. Но, оказывается, что это было не глубокая, постоянная настроенность и переживания души, а поверхностное, неглубокое чувство. Св. отцы-подвижники указывали на один прием, по которому узнается искренность и глубина смирения. Именно: начни в лицо укорять человека за те самые грехи, и в тех самых выражениях, в которых он сам “смирено” осуждает себя. Если его смирение искренно — он выслушает упреки без гнева, а иногда и поблагодарит за смиряющее вразумление. Если же истинного смирения у него нет — он не вынесет упреков и рассердится, ибо от этих упреков и обличений его гордыня встанет на дыбы...

И вот, Господь говорит: “блажени плачущи — яко тии утешатся...” Иными словами — блаженны те, кто не только скорбит о своем несовершенстве и недостоинстве, но и плачет об этом. Таким образом, под плачем здесь прежде всего разумеется духовный плач — плач о грехах и, в связи с этим, — об удалении от Царствия Божия. Кроме того, среди подвижников христианства много было и таких, исполненных любви и сострадания, которые плакали о других людях — об их грехах, падениях и страданиях. Но и вообще не противно духу св. Евангелия под плачущими понимать также — всех скорбящих и обездоленных людей, если они свою скорбь принимают по-христиански — смиренно и покорно. Они по истине блаженны, ибо утешатся, будут утешены Богом любви. И наоборот — те, кто в жизни земной ищет и добивается лишь утех и наслаждений, — они отнюдь не блаженны. Хотя они сами себя считают счастливыми, и другие их считают таковыми, — но по духу Евангельского учения они несчастнейшие люди. Именно к ним относится грозное предупреждение Господа: *“Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо вы взалчете, горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете...”* (Лук. 6:24-25).

Когда человек исполнен смирения и скорби о своих грехах, он уже не может мириться с тем злом греха, которое так загрязняет и его самого и других людей. От своей греховной испорченности неправды окружающей жизни он стремится уйти к правде, к святости и чистоте. И этой Божией правды, ее торжества над человеческими неправдами — он ищет и желает и сильнее, чем голодный хочет есть, или жаждущий -этом и говорит нам 4-

я заповедь блаженства, связанная первыми: *“блажени алчущий и жаждущий правды, ибо они насытятся...”* Когда насытятся? Отчасти уже здесь, в земной жизни, в которой эти верные последователи Божией правды временами уже видят начатки ее торжества и победы в действиях Промысла Божия и проявлениях Божия правосудия и всемогущества. Но вполне их духовный голод и жажда насытятся и утолятся уже там — блаженной вечности, на новом небе и новой земле, *“в них же правда живет”* (2 Пет. 3:13).

8. Падение и обращение грешника

Анализ Притчи о блудном сыне. Три ступени падения и обращения грешника.

После того, как мы рассмотрели вопрос о свободе воли человека, и о первых и основных добродетелях — смирении, духовном плаче, и стремлении к Божией Правде — нам нужно уяснить себе весь процесс обращения заблудшегося грешника на путь праведности. Лучшим примером для этого служит притча о блудном сыне, которая находится в Евангелии от Луки (15:11-24). Притча говорит нам о юном сыне, который тяготился заботливой опекой своего отца и в своем неразумии решил на измену ему. Он выпросил у отца свою часть имения — и ушел в “далекую страну.” Всякому ясно, что под этим неразумным сыном Евангелие понимает каждого грешника. В настоящее время измена человека Богу обычно выражается в том, что он, получив от Бога “свою долю” — все, дарованное ему от Бога в жизни, — перестает живо верить в Бога, перестает думать о Нем и бояться Его — и, в конце концов, забывает о Его законе. Не такова ли “светская” жизнь многих из современных “интеллигентов,” не замечающих того, что в сущности, они живут в отдалении от Бога?..

И на дальней стороне, так заманчивой издали, неразумный сын расточил — растратил свое имение, живя распутно. Так и неразумный грешник растрчивает свои духовные и физические силы в погоне за чувственными наслаждениями и в “прожигании жизни” все дальше и дальше отходит сердцем и душой от своего Небесного Отца.

Но вот блудный сын расточил свое имение, начал голодать и стал свинопасом (т. е, пастухом свиней — животных нечистых по закону Моисееву). И рад бы был насытиться свиными рожцами (свиной пищей) — но никто не давал ему... Не так ли и грешник, запутавшийся окончательно в сетях греха, — духовно голодает, страдает и томится? Вихрем пустых развлечений, кутежами и распутством пытается он заполнить свою душевную пустоту. Но все это — лишь “свиные рожцы,” не могущие утолить мук голода, от которых изнемогает его бессмертный дух...

И погиб бы несчастный — если бы не помощь от Бога, Который Сам сказал, что не хочет смерти грешника, но “еже обратится, и живу быти ему.” Услышал блудный сын спасительный призыв Божией благодати — и не оттолкнул, не отверг его, а принял. Принял — и пришел в себя, как больной приходит в себя после мучительного кошмара. И вот — спасительная мысль: сколько наемников у Отца моего избыточествуют хлебом, а я — сын Его, здесь с голоду умираю.”

“...Встану я,” — решает он тут же, — “и пойду к Отцу моему, и скажу Ему: Отче, согрешил я против неба и пред Тобою, и уже недостойн называться сыном Твоим — прими меня в число наемников Твоих...” Твердое намерение, окончательное решение; он встал — “и пошел к Отцу своему...”

Пошел — весь проникнутый раскаянием, жгучим сознанием своей вины и недостойности, и надеждой на милость Отца. И нелегок был его путь. “Но когда он был еще далеко, увидел его Отец его, (а значит он ждал и может быть, каждый день смотрел — не возвращается ли сын...). Увидел и сжалился, и, побежав, бросился к нему на шею и целовал его.” Сын начал было исповедь: “Отче, я согрешил на небо, и пред Тобою, и уже недостойн называться сыном Твоим...” — но Отец не дал ему и договорить, Он уже все простил и забыл, и распутного и голодного свинопаса принимает как любимого сына. “*На небесах больше бывает радости об одном грешнике кающемся,*” — сказал Господь, “*нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии...*” (Лук. 15:7).

Так постепенно проходит в человеке процесс его отпадения, и — обращения к Богу. Он как бы спускается и поднимается по ступеням. Сначала — измена Богу, уход от Него “на страну далече.” В этом отчуждении от Бога — всецелое служение греху и страстям. Наконец — полное духовное банкротство, духовный голод и мрак — человек дошел до глубины падения. Но тут, по слову Ап. Павла, — где умножился грех, там явилось обилие благодати, вразумляющей человека. Грешник принимает спасительный благодарный призыв (а может не принять и погибнуть, и увя, — так бывает). Принимает и приходит в себя. Приходит в себя и твердо решает порвать с грехом и идти с покаянием к Небесному Отцу. Идет путем покаяния — и Отец выходит к нему навстречу, и принимает с всепрощением и прежнюю любовь...

9. Спасение в Церкви

Как совершается спасение человека. Значение таинства крещения. Вопрос о взаимоотношении между свободной волей человека и действием благодати Божией (Пелагий и Августин). Синергизм.

Господь Иисус Христос о всякой истинно-доброй христианской деятельности человека сказал: “*без Мене не можете творити ничесоже*” (Без Меня не можете делать ничего). Поэтому, когда идет речь о спасении человека, христианин должен помнить, что начало спасающей нас истинно христианской жизни идет только от Христа Спасителя и дается нам в Таинстве Крещения.

В своей беседе с членом синедриона Никодимом на вопрос, появившийся а душе Никодима, — как войти в Царствие Божие, Спаситель ответил: “*если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.*” Далее он сказал еще яснее: “*если кто не родится от воды и Духа (т. е. не примет крещения) — не может войти в Царствие Божие.*” (Иоанн. 3:3-4). Итак, крещение является как бы тою дверью, чрез которую человек только и может войти в церковь спасаемых. Ибо спасен будет лишь тот, кто будет иметь веру и крестится (Мар. 16:16).

Однако, нужно помнить то, что крещением омывается в человеке — порча первородного греха и вина за все проступки и грехопадения, совершенные до крещения. Но зародыши греха, греховные привычки и влечение ко греху — остаются в человеке, и преодолеваются усилиями самого человека, путем подвига всей его жизни — ибо, как мы уже знаем, Царствие Божие приобретается усилием, и лишь употребляющие усилия достигают его. И другие таинства церковные — покаяние, причащение, елеосвещение и различные молитвы и богослужения — являются моментами и способами освящения христианина. В них христианин, по мере своей веры и нужды, получает божественную благодать, содей-

ствующую его спасению. Без этой благодати, по учению апостольскому, мы не только не можем творить добро, но не можем даже и пожелать его (Фил. 2:13),

Но если в деле нашего спасения такое огромное значение имеет помощь Божией благодати — то что же значат здесь наши личные усилия? Быть может, все дело спасения совершается за нас Богом, а нам остается только “сидеть сложа руки” и ждать милости Божией? В истории церкви этот вопрос был остро и решительно поставлен уже в 5 веке. Ученый и строгий монах Пелагий стал учить о том, что человек спасается сам — своими силами, без Божией благодати. Развивая свою мысль, он в конце концов дошел до того, что в сущности, стал отрицать самую необходимость для людей искупления и спасения во Христе. Против него выступил знаменитый учитель церкви, блаженный Августин, который с особенной силой доказывал необходимость для спасения благодати Господней. Однако, возражая Пелагию, Августин сам впал в противоположную крайность. По его учению выходило то, что в деле спасения все для человека делает Божия благодать, а человек лишь должен с благодарностью принимать это спасение.

Истина, как всегда, находится между этими двумя крайностями. Ее выразил подвижник того же 5 века, преподобный Иоанн Кассиан, учение которого называется синергизм (т. е. содействие). По его учению, человек спасается только во Христе, и благодать Божия в этом спасении — главная действующая сила. Однако, кроме действия благодати Божией для спасения нужны и личные усилия самого человека. Одних личных усилий человека недостаточно для спасения — но они необходимы, ибо без них и благодать Божия не станет совершать дело его спасения. Таким образом, спасение человека совершается одновременно чрез действие спасающей Божией благодати — и чрез личные усилия самого человека. По смелому выражению некоторых отцов Церкви, Бог сотворил человека без участия самого человека — а спасти его без его согласия и желания не может, ибо Сам сотворил его самовластным (свободным). Человек свободен выбрать добро или зло, спасение или гибель — и Бог не стесняет его свободы, хотя и призывает его постоянно ко спасению.

10. Совершенствование

Забота христианина о душе. Развитие ума. Значение светского научного образования. Необходимость образования духовного.

Психология признает в душе человека три основных силы или способности: ум, чувство (сердце) и волю. Умом человек познает окружающий мир и его жизнь, а также все сознательные переживания своей собственной души. Чувством — сердцем — человек отзывается на воздействия и впечатления из внешнего мира, и на свои переживания. Одни из них приятны для него, нравятся ему; другие неприятны и ему не нравятся. При этом, “приятное” и “неприятное” у многих людей не совпадают. То, что нравится одному человеку, — не всегда нравится другому, и наоборот (отсюда поговорка: “о вкусах не спорят”). Наконец, воля человека есть та сила его души, чрез которую он сам вступает в мир, и действует в нем. Нравственный характер человека в особенности сильно зависит от характера и направления его воли.

Возвращаясь к вопросу о развитии в человеке его духовной личности, мы должны отметить то, что в работе над собой, над своим “я,” человек должен надлежащим образом, по-христиански развивать упомянутые способности своей души: ум, сердце и волю.

Ум человека развивается прежде всего и больше всего чрез изучение наук, чрез образование. И не нужно думать, что христианство считает так называемые “светские” науки, или образование — ненужным (тем более — вредным). Против этого ошибочного взгляда говорит вся история Церкви древних веков. Достаточно взять хотя бы трех великих вселенских учителей и святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Они были образованнейшими людьми своего времени, прекрасно изучившими чисто-светскую науку тогдашнего времени. А ведь эта наука носила определенную языческую окраску. Но они сумели усвоить нужное и полезное в этой науке, а ненужное и бесполезное отбросили. Тем более, мы должны ценить научное светское образование теперь — когда из науки исчезли былые языческие примеси, и она стремится к изложению чистой истины. Правда, и теперь многие ученые ошибочно полагают, что наука противоречит религии, и к научным истинам прибавляют свои антирелигиозные взгляды. Но чистая наука в этом не виновата. И христианство всегда приветствует и благословляет серьезное светское образование, в котором формируются и укрепляются мыслительные силы и способности человека.

Само собой разумеется, что христианин, принимая образование светское, еще большее значение придает образованию (и воспитанию) религиозному. Нужно помнить, что христианство вовсе не есть только и исключительно — сфера религиозных переживаний и чувств. Нет, христианство есть совершенно законченный цикл, система соответствующих знаний, самых разносторонних данных, относящихся к области не только религиозной, но и научной. И прежде всего, как нам, христианам, не знать жизни своего Спасителя, и Его чудес и учения? Как, далее, не знать истории нашей святой Церкви, и ее богослужения, которое нужно знать и понимать, а для этого — изучать.

В особенности, значение христианства, как всесторонней законченной научной системы является в курсах христианского нравоучения (6 класса средн. школы) и вероучения (курс 7 класса). Здесь христианство предстает пред нами как богатейшая философская система, охватывающая и объясняющая человеку и весь мир, и его самого, и указывающая истинный смысл и цель его земной жизни.

Но нужно помнить вот что: получая в науке религиозного образования полноту знаний о Божией истине, человек должен, познавая истину, служить ей и слушаться ее голоса. Сам Христос сказал: *“кто не со Мною — тот против Меня...”* И в отношении к Нему и к Его Святой воле и закону, равнодушие, холодность и неисполнение этого закона — гибельны для души, и делают человека врагом Христа и Его истины. А поэтому — никогда не следует забывать Его слов: *“Что вы зовете Меня: Господи, Господи — и не делаете того, что Я говорю.”* Подобным образом, и Его Апостол говорит: *“Не слушатели закона, но исполнители закона оправданы будут”* (Римл. 11:3).

11. Развитие сердца

Эстетическое чувство. Отношение христианства к эстетике. Связь красоты и нравственности.

Переходим теперь к вопросу о развитии в человеке сердца.

Как уже было сказано, под сердцем мы понимаем нашу способность чувствований приятных и неприятных. Эти чувства бывают различного рода — от низших, органических, напр, сладкое, горькое, шероховатое и т. д). до высших (напр., чувство эстетическое,

нравственное, религиозное и др.), причем такие высшие чувствования называются также эмоциями. Воспитание сердца человека именно и заключается в развитии в нем этих эмоций. Остановимся на одной из таких эмоций — на чувстве эстетическом.

Эстетическим чувством называется чувство прекрасного — способность человека видеть и понимать, любоваться и восторгаться всякой красотой, всем прекрасным, где бы и в чем оно нам ни представлялось. Такое восхищение красотой может или доходить до бурного пламенного восторга (напр, Ода, — в поэзии, “Тебе, Бога, хвалим” — в церковн. песнопениях), или переходить в тихое, спокойное, глубокое умиление (напр., элегия или идиллия в поэзии, “Свете Тихий” в богослужении). Таким образом, эстетическое чувство неразрывно связано с идеей прекрасного, с идеей красоты, Но спрашивается: что же такое красота”?

На этот вопрос отвечают различно. Лучшим ответом нужно признать следующий: красота есть полное соответствие между содержанием и формой данной идеи. Чем возвышеннее содержание этой идеи, и чем чище, рельефнее и совершеннее та форма, в которой эта идея передается, — тем больше будет здесь красоты, тем прекраснее будет данное явление. И, конечно, высшую красоту христианство видит в Боге, в котором — полнота всякой красоты и совершенства.

Эстетическое чувство в той или иной мере присуще каждому человеку — но далеко не всегда оно развито правильно, и в полной мере. Его надлежащее развитие и направление совершается путем раскрытия в человеке способности — правильно оценивать то или иное явление, или произведение искусства. Эстетически воспитанный человек сумеет найти черты совершенства и красоты — в хорошей картине, музыкальной композиции или литературном произведении. Он сам поймет и оценит, и другому сумеет объяснить — что именно красиво а данном произведении искусства, в чем — его содержание, и в какой форме оно передается здесь.

Христианство умеет ценить и любить красоту. И красоту в христианстве мы видим всюду: и в возведении храмов, и в богослужении, и в музыке церковного пения, и в живописи — иконописи. При этом замечательно, что красоту в природе — любили и ценили самые строгие наши подвижники, вполне отказавшиеся от мира. Так было в древности (св. Василий Великий и другие свв. отцы), так было и в нашей Русской Православной Церкви. Все лучшие русские монастыри были основаны в местностях, отличавшихся своею красотой, которая привлекала именно в эти места святых основателей и подвижников этих обителей, и восхищала всех без исключения богомольцев и посетителей их.

Так проявляется светлый дух христианства в отношении его ко всему истинно-прекрасному. В самом Евангелии мы видим, как Христос Спаситель с любовью и вниманием относится и к полевой лилии, в к птицам небесным, и к смоковнице, и к виноградной лозе. И еще в дохристианской древности святой царь и пророк Давид, созерцая красоту и величие Божия творения, восклицал: вся премудростию сотворил еси — слава Тебе, Господи, сотворившему вся...” — а в других псалмах, обращаясь к природе, как бы к живой и обладающей сознанием, говорил: “Всякое дыхание да хвалит Господа... хвалите Его солнце и луна, хвалите Его звезды и свет.”

Но, конечно, христианство может признать истинно-прекрасным только то, что не только ласкает наше чувство красотой, изяществом своей формы, но и является нравственно-ценным и доброкачественным. Истинная красота всегда возвышает, облагораживает, просветляет человеческую душу и ставит пред нею идеалы правды и добра. И никогда христианин не признает прекрасного того явления или произведения искусства, ко-

торое- хотя бы и в совершенном исполнении — не очищает и не просветляет душу человека — но опошляет и загрязняет ее...

12. Другие эмоции

Развитие альтруистических чувств в детские годы. Христианская надежда. Упокоение сердца в Боге и ожидание будущего блаженства.

Эстетическое чувство, рассмотренное нами в предыдущей главе, является одной из эмоций человеческого сердца. Но, разумеется, не меньше, а еще больше значения имеют для христианина многие другие эмоции — напр. чувства симпатии и антипатии, привязанности семейные, дружеские и национальные, чувство милосердия и жалости и т. д. И, конечно, все эти возвышенные чувства должны быть развиваемы в сердце христианина — по возможности, с самых юных лет.

Увы — этого, как раз, обычно и не бывает! К сожалению, во многих, иногда очень и очень хороших христианских семьях, жизнь поставлена так, что родители сознательно отстраняют от своих детей картины человеческой нужды, печали, тяжелых бедствий и испытаний. Такое чрезмерное оберегание детей от суровой действительности — конечно, приносит только отрицательные результаты. Дети, выросшие в тепличной, оторванной от жизни обстановке, вырастают изнеженными, избалованными и не приспособленными к жизни, а часто — и толстокожими эгоистами, привыкшими только требовать и получать и не умеющими уступать, служить, быть полезными другим. Но жизнь жестоко ломает и иногда невыносимо-больно наказывает таких людей, и иногда уже с юных лет, со школьного возраста. И поэтому-то, любя детей, нужно уже с детства закалять их. А главное: и пред глазами родителей, и пред глазами у их детей должна быть всегда одна определенная христианская цель — чтобы дети, вырастая и развиваясь телесно., развивались и духовно: становились лучше, добрее, благочестивее, отзывчивее... А для этого нужно ставить пред детьми картины людской нужды и горя — и давать им возможность помочь. И тогда дети сами потянутся к добру и правде, ибо все чистое, доброе и светлое в особенности близко и родственно неиспорченной детской душе.

Те эмоции, о которых говорили мы до сих пор, включая высшие из них — жалость и сострадание, — встречаются у всех людей. Переходя теперь к чувствованиям уже чисто-христианского типа, мы остановимся на чувстве христианской надежды. Христианскую надежду можно определить как сердечное жизненное памятование христианина о Боге, неразрывно связанное суверенностью в Его Отеческой любви и помощи. Человек, имеющий в сердце такую надежду, везде и всегда чувствует себя под кровом Отчим, подобно тому, как везде и всегда в физическом мире над собою видит необъятный небесный свод. И поэтому, христианин, имеющий надежду на Бога, — никогда не придет в отчаяние, никогда не почувствует себя безнадежно одиноким. „Безвыходным” положение может казаться только неверующему; верующий же и надеющийся на Бога — знает Его близость к скорбящему человеческому сердцу, и у Него найдет и утешение, и ободрение, и помощь.

Но, конечно, венец и вершина христианской надежды — в будущем. Мы, христиане, знаем, что наш Символ веры, в котором собраны все основные истины христианства, оканчивается словами: “чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь. (Слово “чаю” означает — ожидаю, и не только ожидаю, но и надеюсь, и желаю всем сердцем, чтобы это пришло поскорее). Итак, полное осуществление христианской светлой надежды

придет тогда, когда жизнь окончательно восторжествует над смертью, и Правда Божия — над мирскою неправдою. Тогда “все минется, одна правда останется,” говорит русская поговорка. Тогда покрыто будет всякое горе страдальцев, ибо “отрет Господь всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее — прошло” (Апокал. 21:4). “И радость вечная будет над головою их” (Исаии 35:10). Вот — вершина, венец и полное осуществление христианской надежды, и торжество тех, кто в земной жизни был гоним и притесняем и изгоняем — за правду Христову...

13. Развитие воли

Упражнение. Самодисциплина. Добрые привычки. Значение принципов в деле выработки воли. Религия, как источник этих принципов.

Остается нам теперь разобраться в вопросе о воспитании и развитии воли человека. От направления и силы воли более всего зависит нравственный характер и нравственная ценность личности человека. И, конечно, всякому понятно, что для христианина важно, во 1-х, иметь волю сильную и решительную, а во 2-х, иметь волю, твердо направленную ко благу ближнего в сторону добра, а не зла.

Как же приобрести сильную волю? Ответ прост: прежде всего — чрез упражнение ее. А для этого, опять-таки, аналогично телесным упражнениям — нужно начинать с немногого, с небольшого. Но, начавши упражнять свою волю в чем-либо (напр. в постоянной борьбе с какой-либо своей греховной привычкой, или прихотью) — уже не оставлять этой работы над собой. При этом, с самого начала христианин, желающий укрепить свою волю, свой характер, должен избегать всякой разбросанности, беспорядочности и непостоянства в поведении. Иначе он будет человеком бесхарактерным, не представляющим из себя ничего определенного. На такого человека не могут положиться ни другие люди, ни он сам. А в Свящ. Писании такой человек называется тростью, ветром колеблемой.

Для каждого из нас нужна дисциплина. Она имеет настолько важное значение, что без нее невозможен правильный, нормальный порядок и успех работы, напр., в школьной или в военной жизни. Еще важнее это в жизни каждого отдельного человека, причем место внешней школьной или военной дисциплины здесь занимает внутренняя самодисциплина. Человек должен сам поставить себя в известные рамки, создав определенные условия и порядок жизни — и от этого уже не отступать.

Заметим еще вот что: в деле укрепления воли большое значение имеют привычки человека. Мы уже видели, что привычки дурные, греховные — большая помеха для христианской, нравственной жизни. Зато добрые привычки — ценное приобретение для души, а поэтому ко многому хорошему человек должен себя именно приучать, чтобы это хорошее сделалось для него своим, привычным. В особенности важно это в молодые годы, когда еще формируется, складывается человеческий характер.

Недаром говорят, что вторая половина земной жизни человека складывается из привычек, накопленных за первую половину этой жизни (сравн. поговорку: “привычка — вторая натура”).

Против того, что сильная воля нужна человеку, вероятно, никто спорить не будет. В жизни мы встречаем людей с разной силой воли. И часто бывает так, что человек очень одаренный, талантливый, с сильным умом и глубоким, добрым сердцем, оказывается слабеньким, и не может провести в жизнь свои планы, как бы хороши и ценны они ни

были. И обратно — бывает так, что человек менее талантливый и одаренный — но более волевой, сильный характером — успевает в жизни, и, как говорят, свою линию проводит до конца.

Но еще более важным качеством человеческой воли является ее доброе направление — в сторону добра, а не зла. Если хороший, но слабовольный человек может в жизни оказаться мало полезным членом общества, то человек с сильной, но злой, разрушительной волей, является уже опасным; и он тем опаснее, чем сильнее его злая воля. Отсюда ясно, что крайне важными являются те принципы, те основные начала и правила, которыми руководится воля человека. Беспринципный человек — нравственное ничтожество, не имеющее никаких нравственных устоев, и опасное для окружающих.

Откуда же воля человека может взять для себя эти принципы, чтобы действовать по ним? Для неверующего человека ответ здесь крайне труден, да в сущности, и невозможен, неразрешим. Брать их из науки? Но наука, во 1-х, по преимуществу, интересуется вопросами знания, а не морали, а, во 2-х, она сама не представляет из себя чего-то твердого и принципиально постоянного, ибо все время расширяется, углубляется и во многом изменяется. Из философии? Но философия сама твердит нам об относительности и отнюдь не безусловной достоверности своих истин. Из жизни практической? Еще менее. Эта жизнь сама нуждается в положительных принципах, которые могли бы упорядочить и устранить из нее разнузданную беспринципность.

Но если так труден ответ на поставленный вопрос для неверующих — то для верующего человека, в особенности — для верующего христианина — ответ прост и ясен. Источник добрых принципов — Божия воля. Она открывается нам в учении Спасителя, в Его Святом Евангелии. Только она имеет в этой области безусловный, незыблемый авторитет; и только она научила нас самопожертвованию и христианской любви ко всем — даже и к врагам; только она дала людям возвышеннейшие понятия о христианской свободе, христианском равенстве и братстве (понятия, украденные у нас социалистами, коммунистами и др. врагами веры). И об истинных христианах Сам Господь сказал: *“Не всякий, говорящий мне: Господи, Господи — войдет в царствие Небесное — но исполняющий волю Отца Моего Небесного...”* (Матф. 6:21-23).

14. Труд

Необходимость труда. Развлечения и самособранность духа. Молитвы, обеты и зарюки как средства преодоления дурных навыков.

Необходимым условием всякой деятельности человека, укрепляющей его волю, является труд. Он был заповедан Богом согрешившему человеку еще в раю: *“В поте лица твоего будешь есть хлеб твой.”* Поэтому, трудиться должен каждый из нас.

В 1 послании к Солуньянам ап. Павел о необходимости труда писал так: *“Умоляем вас, братие, делать свое дело и работать собственными руками, как мы заповедали вам.”* А во 2-м послании он резко отзывается о тех, которые поступают бесчинно и “суетятся” — и точно формулирует свой призыв к труду: кто не хочет трудиться, тот и не ешь. (Эти слова, также украденные коммунистами, выдающими их за продукт собственного творчества). При этом необходимо отметить еще то, что христианство никогда не разделяет труда на работу “белую” и “черную.” Такое разделение принималось до последних лет в обществе, причем к “черной работе” (по преимуществу — физическому труду) относи-

лось пренебрежительно. Христианство же требует от человека только того, чтобы его труд был честен и приносил соответствующую пользу. И с этой христианской точки зрения, человек, занимающий высокий и ответственный пост и небрежно относящийся к своим обязанностям, гораздо ниже самого незначительного из своих подчиненных, если последний исполняет свои обязанности по-христиански — добросовестно. При этом — всякий знает на личном опыте — какое отрадное удовлетворение чувствует тот, кто честно и усердно работает, и какой скверный осадок остается на душе после времени, проведенного пусто и бессмысленно...

В наши дни среди молодежи очень распространен ложный и греховный взгляд на труд и на развлечения. На труд смотрят как на что-то в высшей степени неприятное, как на тяжкое подневольное иго, и заботятся о том, чтобы поскорее от него отделаться, “свалить с плеч.” И все свои стремления и усилия направлять к тому, чтобы как можно скорее “отдохнуть” и развлечься. Есть поговорка — “делу время, потехе час.”

Многие хотели бы, чтобы было наоборот... Но, во 1-х, это грешно и совсем не по-христиански, а, во 2-х, и самый отдых и развлечения только тогда бывают приятны и радостны, когда они заслужены предшествующим трудом. А для того, чтобы в душе не было той пустоты и рассеянности, которые так обычны теперь — в наше нервное, беспокойное, суетное время — христианин должен приучать себя к самособранности. Нужно следить за собою во всех отношениях, и ясно отдавать себе отчет в своем настроении и стремлениях, а также — представлять себе точно, что мне нужно сделать в данный момент и к какой цели направлять все свои усилия.

Говоря об укреплении воли, необходимо еще упомянуть о тех случаях, когда человек чувствует волю свою бессильной, чтобы устоять против какого-либо соблазна или укоренившейся греховной привычки. Здесь он должен помнить то, что первое и основное средство в таких случаях — молитва, смиренная молитва веры и упования. О молитве будет сказано ниже; пока же только еще раз вспомним то, что даже такой могучий духовно человек, как ап. Павел, говорил о бессилии бороться с грехом и творить добро: *“Не еже хочу доброе — сие творю, а еже не хочу — злое сие содеваю”* (доброе, которого хочу — не делаю, а злое, которого не хочу — делаю). Тем более, так бывает постоянно с нами, немощными и слабыми. А молитва может нам помочь, т. к. она в помощь нашему бессилию привлекает Божию всемогущую силу.

Помимо молитвы, большое значение для укрепления воли в борьбе с грехом имеют еще так наз., обеты и зароки. Обетом называется обещание человека сделать какое-либо доброе, благоугодное дело — напр., помочь бедняку, построить храм или богадельню, взять на воспитание сироту (или — как часто делали наши благочестивые предки — сходиться куда-либо в св. места на богомолье) и т. д. Применительно к нашим условиям, такие обеты могут состоять в следующем: Если человек замечает за собой неисправность в каком-либо отношении — мало помогает другим, ленив трудиться, мало заботится о семье и т. д., он должен выбрать себе в этой области определенное постоянное доброе дело и исполнять его неуклонно как свою обязанность. Зароки — это те же обеты, только отрицательного характера. В этих зароках человек дает обещание не делать того или иного греха, бороться самым решительным образом с той или иной греховной привычкой (напр. пить, курить, сквернословить и т. д.). Часто эти зароки даются торжественно, пред св. крестом и Евангелием.

Конечно, самый лучший взгляд зарока бывает тогда, когда человек дает его на всю жизнь. Однако допускаются и часто бывают случаи, когда зарок дается на 2-3 года. Само

собой разумеется, что обеты или зарок человек должен давать, взвесив свои силы, с решимостью во что бы то ни стало выполнить их — с помощью Божией. От неосторожных, необдуманных и непосильных обетов Спаситель предостерегает нас притчею о неразумном строителе башни, над которым смеялись окружающие, говоря: “этот человек начал строить и не мог кончить” Соответственно этому, русская пословица говорит — руби дерево себе по плечу,” а другая добавляет: “не спросясь броду, не суйся в воду...” Но зато — если обет уже дан — то исполняй его непременно, призвавши помощь Божию, “не давши слова — крепись, а давши — держись...”

15. Храм тела

Обязанности человека в отношении к своему телу. Недопустимость для христианина блудного греха. Отражение этого греха на теле и душе человека. Борьба с вожделениями (похотью). Соблазны.

Человек состоит из души и тела. Многие древние религии и философские учения говорили о том, что душа человека сотворена Богом, а тело происходит от злого начала — диавола. Христианство учит иному. И душа и тело человека — сотворены Богом. Тело человека, по апостольскому учению, после таинства крещения — есть храм Святого Духа, а члены тела — чрез соединение со Христом в таинстве св. Причащения — суть члены Христовы. Поэтому в будущее вечное блаженство (как и в вечные мучения) человек перейдет всем своим существом — и бессмертной душой, и телом, которое воскреснет и вновь соединится с душой пред Страшным Христовым судом. Поэтому, заботясь о своей душе, христианин не должен оставлять без внимания и свое тело. И прежде всего он должен его беречь, беречь по-христиански — не только от болезней, но и от грехов, загрязняющих, оскверняющих и ослабляющих его. И среди таких грехов — по своей опасности и вредоносности на первом месте стоит блудный грех — грех потери человеком целомудрия и телесной чистоты.

Не отрадно писать эти строки и поднимать вопрос о том, о чем христианину, по резкому выражению апостола, “срамно есть и глаголати...” — стыдно и говорить. Но умолчать об этом невозможно, так как, безусловно, ни один грех не опасен для молодежи так, как опасен и страшен этот скверный грех — хуже заразы, хуже чумы...

Итак, речь идет о грехе блуда, иначе говоря, о тех грехах разврата и половой распущенности, которые являются, без всякого сомнения, самой ужасающей язвой, бичом и проклятием современного человечества. Трудно и перечислить те губительные последствия, которые следуют за этим грехом, как неотлучная тень. Утрата нормального, христиански чистого отношения к лицам другого пола и загрязненность мысли и воображения; ослабление и истощение физических сил человека; крайнее ослабление памяти, невосприимчивость к жизни и ее явлениям, безволие и потеря жизненной энергии, наконец — неврастения и душевное расстройство или ужаснейшая болезнь — “прогрессивный паралич” (размягчение мозга) — вот обычные спутники блудного греха. Не говорим уже о специфических болезнях, так часто являющихся результатом непорядочной жизни... Но всего страшнее, конечно, грозный суд Того, Кто заповедал нам чистоту и непорочность жизни — Страшный суд, о котором апостол сказал: “Блудников и прелюбодеев судит Бог...”

Как же бороться с соблазном этого греха тому, кто хочет сохранить себя по-христиански чистым и целомудренным? Ответ прост: прежде всего — чистотой мысли и вообра-

жения. Часто говорят о том, что половая потребность действует в человеке с такой неодолимой силой, что он не в силах ей противостоять. — Ложь! Тут дело не в “потребности,” а в испорченности и сластолюбии, когда человек без удержу грязнит себя в мыслях и желаниях. Конечно, у такого человека естественная половая склонность взвинчивается до непомерной степени и неминуемо доводит его до греха. Но христианин, богобоязненный и строгий к себе, никогда не позволит, не допустит того, чтобы дурные желания и помыслы овладели его умом и сердцем. А для этого он, призвав Божию помощь в молитве и крестном знамении, борется с такими помыслами сразу же при их появлении, усилием воли переводя сознание и мысль или к молитве, или же хотя бы какой-либо другой, не оскверняющей теме. Распалиться нечистым воображением — значит развращать себя и губить себя... И потому-то, борясь с дурными мыслями, христианин должен немедленно и резко отвращаться и удаляться от всего, что может вызвать эти дурные мысли. Недаром Спаситель так строго предупреждает нас в Нагорной проповеди и от нечистого, похотливого взгляда — хотя бы дальше взгляда дело в данном случае и не пошло. Так опасен мысленный соблазн.

А соблазнов — так много... Общая развращенность нравов и удаление от чистой, христиански-воздержанной жизни, возмутительно недопустимое отношение к браку и супружеской жизни — одно это уже не может не действовать на молодую душу. А тут к этому — еще: кино, фильмы, картины и современная литература, наперебой воспевающая и описывающая грех в самых заманчивых красках, с откровенностью и бесстыдством, от которых в ужас пришли бы наши скромные и богобоязненные предки. Безобразные танцы и ему подобные развлечения, которыми современное язычествующее “христианское” общество настолько ослеплено, что не замечает их вредности и греховности... Различного рода сальные анекдоты — эта духовная гниль и зараза, убийственно грязнящая ум и сердце человека — все это тучей соблазна надвигается на молодую, развивающуюся душу человека... Но блажен тот, кто смолоду и до конца дней своих остался чистым телом и душой. Блажен тот, кто благоуханную свежесть, крепость и богатство нетронутых сил души и тела или принес в светлый, освященный Богом и Церковью брачный супружеский союз — или сохранил все это до самой двери гроба в сиявшей чистоте девства и целомудрия! Да, только два пути человека на земле благословляет Бог: или святой путь христианского брака, неразрывного союза двух сердец на всю жизнь — или же еще высший и святейший путь — путь девства, посвящения Богу и ближним всего себя — безраздельно, до конца, в отказе от личного счастья любви для подвига любви к Богу и ближним. И наоборот — погибелен путь того, кто игнорирует, презирает, упорно нарушает данные Богом законы чистоты и правды христианской, оскверняя тело и убивая душу — ибо на нем рано или поздно исполнится страшная угроза: “Мне отмщение — Аз воздам,” — говорит Господь...

16. Грехи саморазрушения

Пьянство и сребролюбие. Христианское бескорыстие. Отношение христианина к здоровью физическому, поведение в болезни. Отношение к смерти. Грех самоубийства.

Из других “дел плоти,” т. е. грехов, глубоко внедряющихся в самую природу человека, м. б. самым опасным является пьянство. Известно, насколько распространен теперь этот грех. Но пусть всякий помнит то, что беречь себя от пьянства нужно не тогда, когда у че-

ловека образовалась уже эта позорная и губительная страсть — а раньше, когда это значительно легче, Ведь никто не родился на свет Божий готовым пьяницей. А мы знаем уже — насколько легче человеку бороться с соблазнами греха тогда, когда он еще не сделался для него чрез повторение прочною привычкою, которую так трудно преодолеть... Смолоду же и вообще — лучше не пить. У молодежи и без того много живости и кипучей энергии, и “подогревать” себя водкой в молодые годы — ни к чему. Да и пословица говорит: “дай бесу палец — он потянет всю руку.” Молодая воля еще не крепка, а соблазнов выпивки — много...

Многих губит здесь в молодые годы особого рода молодечество, своего рода спортивный задор, когда человек хочет кому-то “доказать” свою крепость и стойкость при потреблении спиртных напитков. Но, конечно, он гораздо большую стойкость и силу — настоящую нравственную силу — показал бы, если бы сумел действительно устоять — не поддаться этому злему соблазну, от которого погибло у нас так много добрых и одаренных людей. И опять-таки христианин должен всеми мерами удаляться от греховных соблазнов и их удалять от себя, помня, что, по слову апостола, “худья общества развращают добрые нравы.”

Но есть еще один грех, который на первый взгляд не кажется столь губительным, как грехи пьянства и разврата, но который также крайне опасен. Это — грех сребролюбия, о котором апостол говорит буквально следующее: *“корень всех зол есть сребролюбие...”* Опасность этого греха, во-первых в том, что для человека, эгоистически стяжавшего богатство, чрез это самое богатство открывается доступ ко всем другим соблазнам мира. Но и самое богатство само по себе становится для человека тем идолом, именно золотым кумиром, к которому прилепляется он всей душой и сердцем и от служения которому уже не может отказаться.

Но, заботясь о своем здоровье, смерти христианин бояться не должен. Мы уже не говорим о той смерти за Христа, за веру в Него, которая грозит христианину в эпохи гонений за веру. Такая мученическая смерть должна быть радостной и желанной для того, кто верит словам Спасителя: “кто положит душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.” Но и вообще, истинные христиане на высших ступенях своей веры, не только не страшились смерти, но даже желали ее. Апостол Павел, напр., прямо говорил: “желание имею разрешиться (т. е. умереть) и быть со Христом, потому что это несравненно лучше” (чем оставаться на земле...). В другом месте он говорит: “наше жительство — на небесах” — приучая нас к мысли о том, что там наше истинное отечество, а на земле мы только временные гости.

И так, близка и не страшна для христианина “христианская кончина живота нашего” — если не всегда “безболезненная,” то во всяком случае, — “непостыдная и мирная.” И он готовится к такой кончине — молитвою, размышлением и принятием св. Тайн. При этом, отнюдь не следует думать, что причащаться св. Тайн нужно только умирающим перед наступлением смерти. Это неверно. Причащаться св. Тайн должен всякий, серьезно заболевший человек, ибо это св. Таинство принимается во исцеление души и тела и представляет из себя лучшее укрепляющее лекарство. Примеры этого мы видим постоянно в действительной жизни. В противоположность доброй христианской кончине, страшною и отталкивающей является для христианина — постыдная нехристианская кончина, напр., смерть пьяницы под забором, смерть грабителя на разбое и т. д. Сюда же, без сомнения, должно быть отнесено и самоубийство. Известно, что Церковь своими канонами (т. е. правилами) лишает христианского погребения тех самоубийц, которые вполне сознательно наложили

на себя руки. Факт самоубийства — полная измена самому духу христианства, нежелание нести свой жизненный крест, отказ от преданности Богу и надежды на Него. Самоубийство есть позорная смерть законченного эгоиста, думающего о себе и не думающего о других людях, и о своих обязанностях относительно их. Мы видим в Евангелии, что первым самоубийцей был Иуда предатель, так страшно и позорно окончивший свою жизнь. Самоубийца — последуя ему — перестает быть верным сыном своей церкви. И потому-то и лишила она несчастных самоубийц своего отпевания. Да и как отпевать самоубийцу церковным чином? Главная мысль отпевания: “упокой. Господи, душу раба Твоего — на Тя бо упование возложи.” (ибо он на Тебя возложил свое упование...). Но над самоубийцей — слова эти будут звучать неправдою, а разве Церковь может утверждать неправду?..

17. Отношение к ближним

Справедливость и ее виды. Превосходство христианской справедливости. Строгость и снисходительность у христианина. Доверие христианина.

До сих пор мы говорили об обязанностях христианина в отношении к самому себе. Теперь же рассмотрим его обязанности по отношению к ближним — к другим людям.

Первую ступенью наших надлежащих отношений к другим людям является требование справедливости. Без этого основного требования даже доброта человека может оказаться бесполезной, если в ней не чувствуется правды, но налицо — пристрастие и односторонность. Но и в самой постановке справедливых отношений между людьми намечаются различные виды справедливости.

1. Справедливость лояльности (от слова *Loi* — закон), Это — низший вид справедливых отношений, самый распространенный в гражданской и государственной жизни. Лояльный человек старается в своей жизни стоять на точном исполнении законов государственных и гражданских, обязательных для него и для других. Кроме этого, им обычно исполняются точно и своевременно все его личные договоры и обязательства. Но дальше этих законных норм и пределов он, в смысле уступок и снисхождения, не делает ни шагу и может оказаться сухим, неотзывчивым и бессердечным. Такой человек “беззакония” не творит, законов не нарушает — но свое возьмет и никому не уступит, хотя бы из-за этого пострадал его ближний. Конечно, в наше время и такие лояльные люди — являются все же сравнительно порядочными, т. к. свои обязанности выполняют честно. Однако, всякому ясно, что для христианина такой характер отношений слишком недостаточен, ибо он — не христианский, а чисто — языческий.

2. Справедливость корректности. Этот вид справедливости в нравственном отношении значительно выше предыдущего. Корректным мы называем того человека, который в своих отношениях к окружающим старается поступать как должно, и не только по внешним законам и обычаям, — но в общем, и по совести своей. Поэтому он ровен, спокоен, вежлив и предупредителен со всеми; охотно отзывается на просьбу об услуге и старается сделать все, что им обещано, часто этим освобождая от затруднений других людей. В противоположность сухо-лояльным людям, с такими корректными, предупредительными людьми жить и работать легко и приятно. Однако, и здесь все это еще далеко от христианства, т. к. такая мягкость и отзывчивость далеко не всегда постоянна и верна самой себе, а главное — в скором времени увядает и засыхает (как говорят “выдыхается”). И тогда человек, внешне м. б. и остающийся корректным и обходительным, в своих отношениях к

людям — обычно старается от них поскорее и вежливо отделаться, отвязаться от их просьб и нужды.

Полным типом справедливости является справедливость христианская — справедливость христианского сердца. Основной, мудрый и в то же время ясный и понятный принцип ее выражен в Евангелии словами: *“Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, поступайте и вы с ними”* (Матф. 7, 12). А апостольский собор повторил это в отрицательной форме: *“не делать другим того, чего себе не хотите”* (Деян. 15:29). Итак, не вноси в жизнь ни фальши, ни лжи, ни обиды, никакого зла. Все люди — это ближние, — не делай им того, чего не желаешь самому себе. Мало того — не только не делай зла, но и твори добро, по совести, от сердца, воодушевляясь Евангельским законом любви, милосердия и всепрощения. Ты желаешь, чтобы к тебе относились сердечно — сам открывай свое сердце ближнему. И не будь эгоистом, не считайся только со своими правами — как это делают лояльные и корректные люди — но выше всех своих прав ставь благо и пользу ближнего своего — по закону христианской любви.

Часто и обычно бывает в жизни так, что к себе мы являемся слишком снисходительными, а к ближнему — требовательными и строгими. Христианская справедливость говорит иное. Господь говорил: *“что ты смотришь на сучок в глазе брата своего, а бревна в своем глазе не чувствуешь?.. Лицемер, вынь прежде всего бревно из своего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата своего...”* Поэтому подвижники христианства, так скорбевшие о своих грехах, до безжалости строгие и требовательные к себе, — были так всепрощающе-снисходительны к другим, ласкою и любовью покрывая недостатки ближнего. И вообще, христианское правило жизни учит нас в прискорбных случаях жизни, напр., ссорах, неприятностях и т. д., — причину их искать не в других, а в себе самих — в своем грехолюбии, неуступчивости, самолюбии и эгоизме. Таким образом, христианская справедливость требует от нас снисходительности к другим. Но и этого мало. Она зовет нас к тому, чтобы в каждом человеке мы видели именно брата — брата во Христе, возлюбленное творение и образ Бога всемогущего. И как бы ни падал человек, как бы ни затемнял он в себе образ Божий грехами и пороками, мы все же должны искать в душе его искру Божию — как это сумел сделать Достоевский в своих *“Записках из Мертвого дома”* (с каторги). *“Грехи грехами, а основа в человеке — образ Божий... Грех ненавись, а грешника люби,”* — говорил когда-то о. Иоанн Кронштадтский...

Рядом с уважением к личности ближнего, должно стоять и доверие к нему. В особенности нужно оно тогда, когда человек провинился — но приходит с евангельским словом *“каюсь”* и обещает исправление. Как часто доброе намерение такого кающегося человека бывает встречено недоверием и холодностью — и доброе желание исправления исчезает, заменяясь озлобленностью и гибельным решением: *“Ах, так — ну, тогда погодите — я еще покажу себя, я отомщу...”* Кто отвечает за гибель этой души?.. Наоборот — искренний, любящий христианин с радостью стремится навстречу доброму порыву ближнего, подчеркивая полное свое доверие и уважение к нему и этим часто поддерживая и утверждая на добром пути того, кто еще колеблется и не укрепился. Конечно, иногда случается, что человек, обещавший исправиться, — злоупотребляет доверием ближнего или по слабости воли, или по сознательному желанию обмануть. Но разве это может подавить чувство доверия и благожелательности к ближнему в верующем христианине? Ведь он — сын и последователь закона христианской любви — той любви, о которой апостол сказал, что она *“все покрывает, всему верит, на все надеется, все терпит”* (1 Кор. 13 гл.).

18. Желание добра всем

Ложь, клевета и сплетня. Лицемерие. Христианское милосердие и благожелательность. Помощь телесная и духовная. Благотворительность личная и общественная.

Одним из самых главных недостатков современного общества является ложь. Проявляется она в различных формах, в особенности — в обычной форме “вранья” в человеческих беседах и в виде обмана — в деловой жизни. Крайне опасен тот легкий взгляд на этот грех, который встречается теперь всюду. Считается обычным делом — утверждать что-либо, не зная — правда это, или нет; сказать: “нет дома” — чтобы отделаться от гостя или просителя; назваться большим, будучи здоровым и т. д. и т. д. (сюда же относятся лживые “комплименты” — лесть, похвалы и т. д.). Люди забывают о том, что ложь — от диавола, про которого Христос Спаситель сказал, что он — лжец и отец лжи. Поэтому, всякий лжец — соучастник и орудие диавола. Еще в Ветхом завете было сказано: “мерзость пред Господом лживыя уста...”

В особенности опасны такие виды лжи, как сплетня и клевета. Всякому известно, что такое сплетня — диаволом сплетенные сети соблазна и лжи, путающие и омрачающие добрые отношения людей между собою. Эта сплетня — от лжи и пустословия — сделалась излюбленной принадлежностью чуть ли не всякой беседы. Еще хуже и тяжелее — клевета, т. е. сознательная ложь на человека с целью повредить ему. Эта клевета — особенно дьявольская ложь, ибо самое слово “диавол” значит именно — “клеветник...”

Когда Г. И. Христос обличал книжников и фарисеев, Он обычно называл их лицемерами, указывая этим на тот тяжкий вид лжи — лицемерие, которым исполнены были эти мнимые вожди народа. Фарисеи были святоши по внешности, ханжи и злобно-лживые ненавистники истины и добра по сердцу и по душе. За это Господь уподоблял их покрашенным гробам, которые снаружи красивы, а внутри исполнены мертвых костей и всякой нечистоты. В наши дни, собственно, религиозного лицемерия стало меньше; однако же порок лицемерия и теперь распространен в виде притворства и желания не быть, а казаться. Христианин стремится, конечно, не казаться, а быть хорошим; но это нелегко, и часто почти никем не замечается, кроме Всевидящего Бога. И вот, многие — особенно среди молодежи — стараются казаться — умнее, красивее, даровитее, развитее, да и добрее, чем это есть в действительности. (На этом лживом основании утверждается так распространенная привычка и любовь к нарядам и “накрашиванию”). И получается та фальшь и неискренность, которая так часто теперь губит людей и их счастье, которое оказалось основанным на лжи, а не на правде.

Мы говорили уже о том, что христианин в основу своего отношения к ближним полагает любовь — а, поэтому старается творить им добро. Кто добра не делает, тот не христианин. И это добро, эта любовь к ближним должны непременно выражаться в делах милосердия и благожелательности ко всем. Недаром Спаситель заповедал нам любовь не только к любящим, но и ненавидящим нас. А в своей беседе о Страшном суде Он ясно указал на то, что именно прежде и главнее всего на этом Суде с нас спросится. Ни богатство, ни слава, ни образованность — не будут иметь там главного и самостоятельного значения. Основой же Страшного суда — послужит страшный и роковой для эгоистов и себялюбцев вопрос: “как послужили мы ближнему своему?” Христос перечисляет шесть главных ви-

дов телесной помощи. Отождествляя Себя в своей любви, снисхождении и милосердии с каждым бедняком и нуждающимся в помощи, Он говорит:

“Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне...” Но не напрасно говорил Иоанн Златоуст: “различен милования образ, и широка заповедь сия.” Да, заповедь о милосердии охватывает всю жизнь человека, и Господь неоднократно открывал святым Своим ту утешительную истину, что делами милосердия и сострадания покрываются самые тяжкие грехи человека.

Конечно, христианская помощь не исчерпывается делами помощи телесной. Есть еще помощь духовная — во многих случаях неизмеримо более важная и ценная. Иногда для отчаявшегося человека простое слово искреннего сочувствия, утешения и вразумления дороже всякой материальной поддержки. А кто же станет спорить против того, что дело спасения человека путем сердечного сочувствия и душевных бесед, напр., от порока пьянства или от греха самоубийства, — есть такая услуга, какую не оценить никакими деньгами! И о такой драгоценной духовной помощи — спасении души человека — ап. Иаков писал: *“обративший грешника от ложного пути его, спасет душу от смерти (и его, и свою), и покрывает множество грехов.”*

Заканчивая речь о долге благотворения ближнему, разъясним еще себе вопрос о разнице между благотворительностью личной — и благотворительностью общественной. Примеры первой — подача милостыни слепому или встретившемуся нищему, прием на воспитание сиротки из бедной семьи и т. д. Примеры второй — открытие отзывчивыми людьми благотворительных обществ, обществ трезвости, просвещения, убежищ для детей или больных и престарелых и т. д. Основным преимуществом благотворительности первого вида является, бесспорно, то, что Господь в Евангелии говорил всюду именно о ней. И, конечно, именно такая личная помощь может создать между людьми высоко-христианские отношения участия, благодарности и взаимной любви. Но зато недостаток этого рода благотворительности заключается в том, что здесь открывается широкая возможность для обмана, нечестности и попрошайничества. Часто наиболее назойливыми просителями являются те, кто, по существу, помощи вовсе не заслуживают, а люди действительно нуждающиеся — не решаются просить о помощи. Да и кому не известно, на что часто идет милостыня пятак или гривенника...

Далеко не то — в благотворительности общественной — не случайной, а планомерной и организованной, и многим приносящей существенную пользу. Правда, в ней гораздо меньше тех живых связей личной любви и доверия, какие существуют при личной помощи; но зато каждый, отдающий сюда свою жертву или взнос, знает, что этим он принимает живое христианское участие в чем-то действительно серьезном и ценном, и в значительной степени застрахован от обмана и нечестного попрошайничества, которые так часто сопутствуют личной благотворительности.

19. Грехи против ближних

Грех зависти и злоречия. Добродетели кротости и миротворчества. Обязанность побеждать зло добром. Греховность мести. Гнев. Греховность дуэли.

Когда Господь беседовал с апостолами о последних временах, Он говорил, что тогда, “по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь.” Это предсказание кажется

уже исполняющимся в наши дни — дни взаимной отчужденности и холодности отношений. И в особенности заметно теперь, что взамен христианской любви и благожелательства врагами Христовой веры в народных массах усердно насаждаются зависть и зложелательство. А “завистливое око” Самим Спасителем причислено к роду тяжелых грехов. Да по существу своему зависть и невозможна для христиански настроенных людей. Ведь в каждой хорошей семье — внутри ее зависти быть не может, и все члены этой семьи радуются {а не завидуют} успеху кого-либо одного из них. Тоже должно быть во взаимных отношениях всех христиан — как детей одного любящего Небесного Отца. И поэтому, ап. Павел призывает нас не только плакать с плачущими, но и радоваться с радующимися — в противоположность тем, кто завидует успехам других. А для того, чтобы освободиться от чувства зависти, — нужно помнить то, что в основе этого греховного чувства лежит наше тщеславие и эгоистическое соперничество. Обычно люди в своем эгоизме боятся, что их “не признают,” не отдадут должного, других поставят выше и т. д. Христианин же боится обратного — боится того, чтобы себя не поставить выше других, не обидеть их.

Наряду с завистью, сильным врагом добрых отношений между людьми является еще различного рода злоречье — лживые речи, ссоры и брань. И странно: люди настолько отупели и ослепли, что все эти грехи считают ни за что, и постоянно согрешая злоречием, этого уже и не замечают. А вот как говорит апостол Иаков о грехах языка: *“Посмотри, небольшой огонь так много вещества зажигает; и язык — огонь, прикраса неправды... это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда...”* И в другом месте он говорит: *“Если кто... думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие...”* А Сам Господь прямо говорил: *“от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься...”* Так опасны грехи слова!

Но самым отвратительным из всех грехов” злоречия нужно, безусловно, признать позорную и отвратительную привычку к непечатной брани — которой подвержены многие русские люди. Какой это стыд, какой позор, какое надругательство над чистотой и целомудрием, которых ждет от нас и заповедал нам Господь. И люди думают, что все это — “пустяки,” “ничего,” забывая о тех страшных словах; “от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься,” — которые уже приводили. “Течет ли из одного источника соленая и сладкая вода?” — спрашивает ап. Иаков. А мы, когда скверним свои уста этой отвратительной бранью, не думаем, что чрез эти же самые уста польются к Богу благоуханные слова чистой молитвы, и этими же оскверненными и загрязненными устами принимаем Святыню всех святынь — пречистые Тайны Христовы... Нет, отложите теперь вы все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших, имеющий уши слышать, да слышит!

В противоположность всем этим источникам взаимного озлобления и ссор, христианство призывает нас к миролюбию и прощению обид. Так снова мы приходим к заповедям блаженства: “блажени кротции, яко тии наследят землю... Блажени миротворцы, яко тии сынове Божий нарекутся...” Кроткий человек — это, прежде всего, человек незлобивый и простой и безусловный противник всякого эгоизма. В нем нет самоугождения и своекорыстия — наоборот, он ищет прежде всего того, что нужно не ему самому, а другим. В то время, как масса эгоистов обычно представляет из себя свору голодных волков, наперебой набросившихся на добычу, отнимая ее друг у друга, кроткие люди всем уступают и во всем помогают. Но замечательно то, что, по Евангелию, именно их линия поведения является наиболее прямою и устойчивою; ибо не кто другой, как они, кроткие, насле-

дуют землю, хотя и проходят жизнь, как овцы посреди волков — по яркому образу Спасителя.

Еще выше — добродетель миротворчества. И награда за нее — высшая, богоподобная: “ибо они назовутся сынами Божиими.” Миротворец-христианин подобен по своей деятельности первому “миротворцу” — Сыну Божию, при рождении Которого ангелы пели: “На земле мир.” Кроткий человек создает уют и мир вокруг себя, не раздражает других. Миротворец эту атмосферу мира и добрых отношений стремится распространить как можно шире — и старается мирить других. А такой подвиг требует большого духовного напряжения, терпения и готовности встретить холодное непонимание, насмешки, вражду и противодействие. Но христианин-миротворец ко всему этому всегда готов, т. к. он хорошо знает, что всякий христианский подвиг доброго дела тем ценнее и выше, чем больше он встречает затруднений и противодействия.

В неразрывной связи с кротостью и миротворчеством стоит то Евангельское незлобие, которое должно быть отличительной чертой каждого христианина. Оно больше всего проявляется в прощении личных обид и оскорблений, которое нам заповедал Спаситель, сказавший: “если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую...” Иными словами — не отвечай на насилие насилием, а отвечай на зло добром. И апостол Павел разъясняет: “если враг твой голоден — накорми его; если жаждет — напои его. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.” И наоборот: если человек на зло отвечает злом — то он сам, очевидно, сделался пленником этого зла, и им побежден (конечно, речь здесь идет о личных обидах, нанесенных христианину).

В жизни мы постоянно наблюдаем, что человек, обиженный кем-либо, гневается и даже мстит. Но месть, безусловно, греховна и недопустима для христианина. “Не мстите за себя, возлюбленные,” — призывает апостол Павел. Месть — полная измена христианскому духу кротости и всепрощения, показывающая в человеке отсутствие христианской любви. Что же касается гнева, то тут положение несколько иное. Господь запрещал не всякий грех, но — “напрасный” гнев. И апостол говорит: “гневаясь не согрешайте,” — указывая таким образом на то, что гнев может быть и не грешным.

Сам Г. И. Христос гневался на лживость и упорство фарисеев (Марка 3:5). Таким образом, гнев может быть естественно-законным и справедливым. Таким гневом воспытал святитель Николай Чудотворец, Когда на вселенском соборе он ударил по щеке еретика-богохульника Ария. Этот гнев исходил из чистого источника — пламенной ревности о славе Божией. Грешным же грех бывает, во 1-х, тогда, когда он несправедлив и напрасен. Это бывает очень часто, в особенности тогда, когда человеку “правда глаза колет” и бьет по его эгоизму и самолюбию. А о. Иоанн Кронштадтский советовал не только не сердиться на тех, кто уязвляет наше самолюбие, но и ценить их, как духовных врачей, открывающих язвы нашей гордой и тщеславной души. Далее, даже гнев, справедливый по своему началу, может оказаться грешным, когда он затягивается человеком намеренно, как проявление недоброго сердца. Тогда человек уже сам настраивает свое сердце на гнев и этим безусловно, грешит. Против этого апостол говорит: “солнце да не зайдет во гневашем. Сознательно раздуваемый и удержанный гнев может уже перейти в злопамятность — так противную духу христианской любви.

Мы уже говорили о том, что месть непозволительна для христианина. Тем более непозволительна для него дуэль — нелепый пережиток средневековья. Иное было в средние века, когда люди живо верили в то, что Правда Божия не попустит пострадать невинному, и на дуэль смотрели как на суд Божий. Теперь же и веры той нет, и раскрытое христи-

анское сознание ясно говорит нам, что Господь никому из нас не давал такого права пользоваться Его судом в нашей грешной жизни. Да обычно теперь дуэлисты о Боге думают менее всего, а только руководятся своим оскорбленным самолюбием, злобой и нелепыми понятиями о “чести.” Как известно, эта самая “честь,” “чувство собственного достоинства,” “благородная гордость” и т. д. являются, по существу, все той же богопротивной гордыней и самопревозношением, от которых так предостерегает нас христианство. Да и исход дуэли теперь, по общему убеждению, зависит от ловкости противников и от “слепого случая,” так что от средневековой идейной подкладки в нынешней дуэли ничего не осталось. И не напрасно указывают в дуэли — адское сплетение трех грехов: самосуда, убийства и самоубийства. Самосудом дуэль является потому, что она есть дело произвола дуэлистов. Убийством она является потому, что каждый из противников идет для того, чтобы убить другого, а самоубийством — потому, что оба противника ставят себя под пулю или шпагу врага...

20. Нехристианские системы этики

Эвдемонизм (эпикурейство) и утилитаризм, философия общего блага. Несостоятельность этих систем морали.

Легко видеть, что все рассмотренные нами подробности отношений христианина к ближним — кротость, миротворчество, незлобливость и т. д. — приводят нас к одной добродетели — основной и главной. Эта добродетель — христианская любовь, и она-то и есть коренной принцип христианской нравственности.

Помимо того учения о нравственности (морали), которое предлагается христианством, существуют нехристианские, светские системы морали. Согласуясь во многих своих пунктах с учением христианской морали, эти системы, однако же, отказываются признать принцип христианской любви основой учения о нравственности. Их как бы пугает высота любви, заповедуемой Евангелием, и они ищут более легких и приемлемых для себя принципов.

Из этих светских систем морали наиболее известны и, в то-же время, наиболее распространены в практической жизни: эвдемонизм и утилитаризм.

Эвдемонизм (иначе — эпикурейство) в основу нравственности ставит свойственное людям стремление к счастью. При этом, счастье здесь понимается как сумма удовольствий и наслаждений, от которых жизнь человека делается приятною и счастливою. Однако, эвдемонисты расходятся в своих мнениях по вопросу о том — каких же именно удовольствий должен искать человек, желающий быть “счастливым.” Некоторые из них (едва ли не большинство) говорят почти исключительно о грубых, чувственных удовольствиях. О таком грубом эвдемонизме ал. Павел говорил: “*Станем есть и пить, ибо завтра умрем.*” Другие эвдемонисты, ссылаясь на то, что увлечение чувственными удовольствиями разрушает тело и душу человека, рекомендуют не прельщаться ими, а добиться удовольствий более устойчивых и длительных, а также более одухотворенных. Таковыми являются, напр., музыка, поэзия и вообще — различные роды искусства и науки.

Но, конечно, ни в том, ни в другом виде эвдемонизм не приемлем для христианина как основное начало нравственности. Основной вопрос нравственности — различие между добром и злом, между тем, что хорошо, что дурно. А эвдемонизм говорит о том, что приятно и что неприятно. А кто же будет спорить о том, что это — далеко не одно и то

же?! И не ясно ли, что человек-эвдемонист в жизни практической всегда будет эгоистом, который охотно будет требовать и получать то, что ему приятно, и отказываться от того, что ему неприятно (хотя бы это было приятно и полезно другим). Да и о какой нравственности можно говорить в том случае, если все люди начнут добиваться только того, что им нравится?..

Еще более несостоятельным и положительно нелепым является эвдемонизм со строго христианской точки зрения. Христианство все время обращает мысль человека к бессмертию души и отчету человека о своей земной жизни и поведении на Страшном суде. А чего же должны ожидать эгоисты-эвдемонисты на суде Того, Кто спросит у них дел любви и помощи страдавшему брату? Участь богача в Евангельской притче о богатом и Лазаре — вот их ужасный удел в вечности. И иначе быть не может, т. к. основной принцип христианства известен: *“входите тесными вратами; ибо широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие идут ими. Ибо тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их”* (Матф. 5:13-14).

Несколько лучше системой безрелигиозной морали является утилитаризм (иначе — философия общего блага). В нем человеку предписывается делать не то, что ему приятно, а то, что для него полезно. Но и эту систему нравственности нельзя признать состоятельной. Прежде всего, само понятие пользы далеко не всегда совпадает с идеей блага, как чего-то, безусловно, доброго. Полезно, напр., лекарство для укрепления здоровья, но ведь полезно разбойнику и его оружие — револьвер или нож, полезные для осуществления его злой цели. Таким образом, принцип полезности в основу нравственности поставлен быть не может. А если его выразить в резкой и краткой форме: “поступай как тебе полезно, т. е. выгодно,” то разве не ясно, что здесь опять проглядывает тот же грубый эгоизм, о котором столько уже говорилось ранее. А поэтому некоторые утилитаристы-философы стараются смягчить это обстоятельство тем, что рекомендуют человеку добиваться не своей только личной выгоды, но и общего блага, общей пользы, в которой, говорят они, — заключается и личное благо каждого. Конечно, в этом случае утилитаризм является в более облагороженном и возвышенном виде, однако он и здесь все же является несостоятельным, если не подкрепить его высокими принципами христианства. Во-первых, основной его недочет — несовпадение понятий “пользы” и “добра,” остается и здесь. Во-вторых, в жизни практической бывают положения, в которых человека может удержать от преступления именно только религиозный страх — боязнь нарушить закон Высшей Правды, а не сухой расчет утилитаризма. Напр., голодный человек стоит перед искушением украсть хлеб или деньги у соседа. Что его может удержать от этого? Конечно, только религиозное сознание греховности такого поступка. Но утилитаризм ему нравственной опоры в таких колебаниях дать не может. Пусть утилитаристы его учили искать не своего, а общего блага — именно потому, что в общем благе заключается его личное благо, но ведь если он во имя этого “общего блага” не украдет денег или хлеба, то может погибнуть от голода. Где же тут его личное благо? В голодной смерти?

Так, ни эвдемонизм, ни утилитаризм мы, христиане, не можем признать сколько-нибудь состоятельными системами нравственности. И хотя эти системы морали, эти эпикурейско-утилитаристические взгляды широко развиты теперь — однако же необходимо отметить, что те, кто придерживается их, — часто бывают вполне порядочными людьми. Почему? А потому, что общественная нравственность, воззрения и взгляды на жизнь у нас до сих пор носят на себе отпечаток влияния христианства. Много веков существует христианство в человечестве — и на все наложило оно свою крепкую печать. И только поэто-

му, люди, считающие себя эвдемонистами или утилитаристами, в действительной жизни являются христиански-честными и добропорядочными. Они выросли, воспитались в чисто-христианских, возвышенных нравственных понятиях, и потому — во многом остаются по душе христианами, и даже — сами того не сознавая — на свои утилитаристические и эвдемонистические идеи накладывают покров христианского идеализма...

21. Христианская любовь

Христианская любовь как основное начало нравственности. Ее характерные черты. Гимн христианской любви у ап. Павла — 13 глава 1 послания к Коринфянам.

Мы видели, что те системы нравственности, которые не принимают как основу Евангельское учение о христианской любви, оказываются несостоятельными. Нравственность же христианская целиком утверждается на законе любви, эта любовь — и основа, и вершина ее.

Что же такое — эта христианская любовь? Конечно, в полном своем развитии она является самым возвышенным, сильным и ярким из всех человеческих чувств. Она представляет собою переживание особой духовной и нравственной близости, сильнейшего внутреннего тяготения одного человека к другому. Сердце любящего человека открыто для того, кого он любит, и как бы готово принять, привлечь его к себе. В своей любви оно и другого принимает в себя, и себя отдает другому. *“Сердце наше расширено к вам, коринфяне, вам в нас не тесно,”* — писал своим любимым духовным детям апостол Павел. *“Потому узнают все, что вы — мои ученики, если будете иметь любовь между собою”* (Иоан. 13:39), — говорил своим апостолам (а в их лице и всем нам, христианам) сам Г. И. Христос.

Христианская любовь есть чувство особое, приближающее человека к Богу, Который Сам есть — Любовь, по слову Его возлюбленного апостола (1 Иоан. 4:8). В сфере земных чувствований нет высшего чувства, чем чувство материнской любви, готовой на самопожертвование. И вся история отношений Бога к человеку есть сплошная история самопожертвования Небесной любви. Отец Небесный как бы за руку ведет ко спасению грешника, Своего врага и изменника, и не щадит для его спасения — Своего Единородного Сына. Сын Божий, сойдя с неба, воплощается, страдает и умирает для того, чтобы чрез воскресение дать грешнику ту блаженную вечность, которую он потерял чрез свою измену. А пред страданиями Он дает Своим верным как бы завещание — заповедь, идеал: *“Как Я возлюбил вас, так и вы — да любите друг друга...”*

Таков идеал бескорыстной христианской любви. Она обнимает всех — не только друзей, но и врагов. Господь в Евангелии прямо говорит: *“Если вы любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники тоже делают...”* (Луки 6:32-33) Этим Господь предупреждает нас против эгоистически-корыстного характера любви нехристианской, языческой. В такой эгоистической любви главное — наше собственное “я,” наше самоудовлетворение от этого чувства. А нам, христианам, Господь заповедал иное: *“любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас...”* — Таким образом, христианин любит других людей не за доброе или угодливое отношение к себе, а

т. ск. за них самих, они дороги ему сами по себе, и любовь его ищет их спасения, хотя бы они и враждебно относились к нему.

Но, быть может, ни в одном месте Священного Писания не раскрывается сущность и свойства христианской любви так, как в 13 главе 1-го послания ап. Павла к Коринфянам. Не напрасно толкователи Священного Писания называют эту главу гимном христианской любви. В ней апостол сопоставляет христианскую любовь с разными духовными дарованиями и добродетелями и, назвав эту любовь путем превосходнейшим (в конце предыдущей 12 главы), с неотразимой убедительностью разъясняет, насколько она выше всех других дарований и переживаний человека.

“Если я говорю языками не только человеческими, но даже и ангельскими, а любви не имею,” — говорит апостол, — *“то я — медь звенящая и кимвал звучащий”* (т. е. подобен бездушным предметам, которые действуют только на внешний слух человека, а не на его сердце). И все высшие добродетели — пророчество, ведение всех тайн, чудотворящая вера и даже подвиги самоотречения и мученичества, без любви — ничто, и только от нее приобретают свою цену.

“Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует” — она делает человека терпеливым, кротким, смиренным и благожелательным по всем. *“Любовь не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...”* Это — сила, все побеждающая, сила смиренной любви, уничтожающая эгоизм и злобу, гнездящиеся в сердце человека. И эта истинная любовь всегда ищет правды и истины, а не лжи и угодливости, И наконец — *“Любовь все покрывает, всему верит, всегда надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...”* Да, именно — никогда. Ничто не переломит ее — ни испытания, ни муки, ни горе, ни лишения, ни разочарования. И в иной — лучший мир — пойдет она с христианином, и во всей полноте раскроется именно там — когда исчезнут не только дары пророчества и языков, но прекратятся уже вера и надежда. Вера заменится там зрением лицом к лицу, а надежда станет сбывшеюся; одна любовь будет царствовать во веки веков. И поэтому-то и говорит тот же апостол: *“Любовь есть исполнение закона”* (Римл. 13:10).

22. Влияние христианства на все стороны жизни

**Христианская семья. Взаимные отношения мужа и жены, родителей и детей.
Почитание власти — гражданской и духовной.**

Основная задача христианской Церкви — научить людей жить по воле Божией, дабы через это привести их к вечному блаженству. Напрасно некоторые хотят свести христианство только к узко-обособленной сфере религиозных переживаний. Нет, христианство — жизнь, христианство — новая печать на всех жизненных отношениях людей. И влияние его на жизнь — бесспорно и несомненно для всякого беспристрастного человека. Достаточно указать на то, что хотя в наше время жизнь и поведение людей на земле далеко отошли от христианских идеалов, однако же понятия и взгляды их сформировались по типу христианскому. У лучших, искренних служителей науки и искусства, их труды и творения носят на себе явно христианский отпечаток. Далее, такие отрадные явления, как исчезновение рабства, возникновение целого ряда благотворительных и просветительных учре-

ждений и многое другое — несомненно, обязаны своим появлением христианству. Но, быть может, более всего испытала преобразующее и воспитывающее влияние христианства первая ячейка строя общественной жизни — семья.

Конечно, великое и ответственное дело для христианина и христианки избрать себе друга или подругу на всю жизнь. О христианском браке Слово Божие говорит: “будете оба одна плоть” — т. е. в нем двое составляют как бы один организм, одну общую жизнь. Жена христианка прежде всего думает о муже, а потом уже — о себе. Точно так же и муж сначала позаботится о жене, а потом уже о себе. И такой христианский супружеский союз Господь закрепил своим Божественным словом: “еже Бог сочетал, человек да не разлучает...”

И замечательно, что в таком христианском браке любовь мужа и жены имеет тот же бескорыстный, самоотверженный характер, каким вообще отличается истинно христианская любовь. Не напрасно ап. Павел супружеский союз сравнивает с союзом Христа и Церкви, и говорит: “мужия, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь, и Себя предал за нее.” В христианском браке единение любящих личностей становится настолько всеобъемлющим и полным, взаимная преданность супругов настолько глубока и безусловна, что они во всем уподобляются друг другу, а иногда к старости даже и внешне становятся похожими друг на друга. И жизнь их проходит в полном согласии — в полной преданности заветам Христа Спасителя и Его Святой Церкви.

Но как тяжело бывает в наши дни видеть опрометчивое, безрассудно-неосторожное и совершенно нехристианское отношение молодежи к этому серьезнейшему вопросу. Постоянно приходится наблюдать, как браки заключаются теперь не по серьезному, глубокому, проверенному чувству любви — а по “влюбленности” — чувству несерьезному, неглубокому. Часто содержанием такой влюбленности является, увы, в сущности, — только животная похоть, только “волнение крови молодой” (а иногда и не молодой, да грязно-бурливой...).

И вместе с этим, в таких “браках” в предбрачную пору постоянно наблюдается фальшь и прикрашивание и тела и души, лицемерное желание не быть, а казаться лучше и красивее, о котором мы уже говорили ранее. Но ведь жизнь можно строить только на правде: на лжи она устоять не может. И отсюда — столь частое разочарование супругов друг в друге и безобразная практика разводов. Да и кто же не знает, что в наши дни эти “влюбленности” постоянно заключаются в “гражданские браки,” т. е. незаконные связи, систематически постоянные нарушения 7-й заповеди, за которые Церковь отлучает от принятия св. Тайн. А оканчивается все это сплошь и рядом трагически не только ссорами, но и преступлениями: убийством и самоубийством.

Христианский брак есть живая жизнь двух в единении. И с годами супружеская любовь в нем только усиливается, становится глубже, одухотвореннее. Конечно, и в христианстве в эту супружескую любовь, как известное слагаемое, входит любовь страстная, связанная со свойственной каждому человеку естественной половой склонностью и чисто-телесным влечением, тяготением его к другому полу. Но в истинно христианском браке такая страстная любовь супругов входит, как мы сказали, только как слагаемое; и никогда не имеет такого значения и силы, как в нехристианских брачных союзах. А в житиях святых мы видим ряд примеров, как супруги христиане по обоюдному согласию отказывались от половой жизни — то с самого начала брака, то после нескольких лет. И замечательно, что в таком браке, когда супруги-подвижники живут “как брат и сестра,” их вза-

имная любовь отличается особенною силою привязанности, всеобъемлющей верности и взаимного уважения. Так христианство освятило, возвысило и преобразило брачный союз.

Но в христианской семье, кроме мужа и жены, еще мыслятся и дети, и родители. И на взаимные отношения тех и других христианство, опять-таки, накладывает свой характерный отпечаток.

В каждой доброй семье непременно должна быть единая семейная жизнь. “Наше,” общее — всегда должно в ней стоять выше “моего,” личного. Недаром все члены семьи носят одну фамилию — общую, дружную жизнью должны они и жить.

Главою семьи обычно считается и должен быть муж. На нем, на его трудах основывается благосостояние семьи. И семья — его первый долг. О тех, кто не заботится о своей семье, ап. Павел говорит кратко, но достаточно вразумительно: *“Если кто о своих, и особенно о домашних, не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного...”* (1 Тим. 5:8)

Часто бывает в жизни, что родители, направляя детей на тот или иной жизненный путь, поступают так наперекор их склонности и сердечному желанию. А иногда — бывают вообще несправедливы. И против этого апостол прямо говорит: *“Отцы, не раздражайте чад своих, чтобы они не унывали, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем”* (Кол. 3:21 и Еф 6:4). Чрезмерная, непосильная требовательность, действительно, повергает детей только в уныние. Тем более, несправедливость: для ребенка отец — высший авторитет, и горе, если этот авторитет пойдет против того чувства правды, которое в ребенке гораздо сильнее, чем во взрослом. Получится положение, прямо безвыходное для детской души... Но еще хуже бывает, когда родители чересчур балуют детей, бывают слишком снисходительны к ним и часто оставляют их без присмотра. Отсюда может получиться уже великая нравственная порча ребенка, тем более, что, как мы видели, слово Божие прямо повелевает родителям воспитывать и наставлять детей в Законе Господнем...

Дело воспитания детей, конечно, по преимуществу лежит на матери. И это естественно, т. к. никто не близок так к душе и сердцу ребенка, как его мать — недаром он именно к ней бежит с криком “мама,” когда его обидели. И пред матерью великая задача: воспитать сына или дочь — верующего христианина, доброго, отзывчивого, трудолюбивого, полезного работника церкви и государству, — воспитать и словом, и примером, и лаской, и строгостью. И муж должен ценить этот огромный воспитывающий труд жены. Это-алтарь ее служения своему Господу, работа не менее важная, чем его работа для семьи. И стыд, позор тем матерям, которые тяготятся воспитанием своих детей — и отдают их часто целиком на попечение наемных лиц, забывая о том, что душу ребенка так легко повредить или загрязнить. Да разве кто-нибудь может заменить ребенку родную мать?

Но не меньше, чем родители, должны помнить свои обязанности и дети. Всем известна 5-я заповедь Закона Божия о почитании родителей. *“Дети, — писал ап. Павел, — повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость.”* И, конечно, это требование вызывается именно справедливостью. Ведь дети всем обязаны родителям, которые заботятся о них любя, трудясь, во многом отказывая себе, выращивая их своей любовью, часто помогая им и тогда, когда они уже сами станут взрослыми и самостоятельными людьми.

Но как часто теперь нарушается у нас 5-я заповедь! Даже те дети, которые убеждены, что они искренно и крепко любят своих родителей — часто не слушают, а значит и не почитают их. Любовь всегда связана с послушанием. А чем старше становятся такие дети, тем, увы, своевольнее становятся они, грубя родителям, в лицо упрекая их в “отсталости,”

и уже ни во что ставя их авторитет. Это ли — почтение к родителям? Ведь в Ветхом Завете было сказано прямо: *“Кто злословит отца своего или мать свою, того должно предать смерти,”* а в Евангелии Спаситель, напоминая об этом законе, назвал его заповедью Божию. А сколько известно из жизни — ужасных примеров того, как Господь тяжело (иногда — смертельно) карал оскорбителей отца или матери! Недаром говорится: *“молитва матери из воды и из огня спасает”* и *“Благословение родителей утверждает дома их детей,”* а, с другой стороны, кто не знает, какое ужасное несчастье — навлечь на себя проклятие отца или матери...

Итак, в основном своем смысле 5-я заповедь говорит о почитании родителей. Но, конечно, сюда относятся и все, заступающие их место для христианина: учителя, воспитатели и т. п., а в особенности, конечно, представители законной власти, охраняющей порядок в государстве. Апостол Павел прямо повелевает молиться *“за царей и всех начальствующих,”* и во многих других местах своих посланий учил повиноваться властям. Еще важнее, конечно, для христианина, почитание духовных властей-пастырей церкви, в особенности же епископов, а также того пастыря, который является его духовным отцом и отвечает пред Богом за его душу. Апостол Павел говорит: *“Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать ответ.”* А сам Господь Своим апостолам, а в их лице и пастырям церкви, говорил: *“Слушающий вас, Меня слушает, а отвергающий вас — Меня отвергает.”*

23. Семья и государство.

Космополитизм и его односторонность. Патриотизм в Ветхом и Новом Завете. Примеры Моисея, ап. Павла и самого Спасителя. Законность любви к ближним.

Здоровая и крепкая семья — это первая и главная ячейка общества и государства. Самое сильное и организованное государство приходит в состояние упадка и разрушается, если в нем разложена семья и нет прочных устоев семейной жизни и воспитания; наоборот — если семья крепка и воспитание ведется на здоровых началах, то и при большом внешнем разрушении форм государственной жизни народ остается жизнеспособным и может восстановить государственную мощь и единение.

Но нужно помнить, что христианская семья не должна всецело замыкаться в себе, обращаться в “курьятник.” Такая жизнь — жизнь семейного эгоизма. Человек, живущий ею, вне своей семьи не имеет никаких интересов, ничего знать не хочет о радостях и горестях окружающего мира и ничем ему не служит. Конечно, такая жизнь — не христианская жизнь, и такая семья — не христианская семья. Как уже сказано, христианская семья есть именно ячейка общества, его часть, неразрывно связанная со своим целым. Она принимает живое участие в общественной жизни и служит своим ближним, неизменно оказывая им участие и посильную помощь.

Однако и этого мало. По ясному учению Евангелия, живые отношения христианина не должны замыкаться не только в семейных рамках, но и в отечественных, национально-государственных. Нет, в своей любви христианство всечеловечно. Для христианина каждый человек, к какой бы нации он ни принадлежал, есть его ближний, любить которого он должен, по заповеди своего Спасителя. Об этом ясно говорит нам притча о милосердном самарянине, и, а особенности, ее категорическое заключение. В этой притче Спаситель

указал иудею-законнику на то, с каким милосердием и любовью добрый самарянин отнесся к израненному и ограбленному иудею — т. е, представителю народа, враждебного самарянам. А дальше — сказал законнику: *“иди и ты поступай так же.”* Таков закон христианской любви!

Но если к такой всеобъемлющей любви призываемся мы, христиане, то не прав ли тот космополитизм, то учение о братстве народов, по которому человек есть “гражданин всей вселенной,” — а вовсе не своего государства. По этому учению, в человечестве не должно быть никаких государственно-национальных различий и разделений, но все оно должно представлять из себя одну семью.

Несомненно, что в положительной части своего учения космополитизм близко подходит к христианству. И опять-таки несомненно, что свои призывы к братству, к любви, к взаимной помощи он взял именно из христианства. И призывы эти чисто христианские. Но как раз, только эти-то христианские идеи и есть то, что ценно в космополитизме. Зато к этой правде космополитизм примешал еще много уродливой неправды и заблуждений. Благодаря этому его учение оказалось узко-односторонним и искусственным, а потому и не жизненным. Такими заблуждениями являются все выводы космополитизма против чувства патриотизма, против православного учения о долге служения отечеству, его благу и безопасности. Но кто не знает, какими черствыми и неспособными к сердечному, участливому отношению постоянно являются в жизни многоречивые проповедники космополитизма? Они с пеной у рта кричат о своей любви к человеку и не умеют полюбить как должно своего ближнего. А полюбить ближнего — значит полюбить всякого человека, поставленного на их пути промыслом Божиим и часто нуждающегося в сострадании и поддержке. Христианство не имеет этой ложной односторонности космополитизма. Христос заповедал нам не искусственную любовь к “человечеству,” но именно — любовь к ближнему. Таким ближним для христианина является вообще “каждый человек (поэтому-то христианин и должен любить всех) а в частности — каждого человека, с которым он встречается в повседневной жизни. И любовь христианская проявляется более всего — именно в этих личных встречах, в живом взаимообщении, взаимной поддержке и сочувствии. Как далеко от этого одностороннее учение космополитизма с его искусственными, оторванными от жизни призывами о любви к “человечеству!”

Когда человек бывает еще ребенком, то в детские годы для него ближними являются родители, братья и сестры и вообще родственники. И в эту пору для него вполне достаточно и хорошо, если он будет хорошим, любящим, отзывчивым и преданным членом семьи. Но, очевидно, для него недоступны еще понятия о любви к другим людям, не входящим в его семью. С ними он не имеет никаких живых отношений, и поэтому они для него, именно, “чужие.” Постепенно подрастая, в отроческие и юношеские годы он уже завязывает личные, живые отношения с многими людьми, они становятся для него “своими.” И вот здесь доброе воспитание должно научить ребенка и к этим новым для него “ближним” относиться по-христиански — дружески, благожелательно, с искренней готовностью помочь, оказать посильную услугу. (Хотя, конечно, наиболее ближними являются для него по-прежнему его родные). Но и здесь подросток еще не развит в своем духовном кругозоре до того, чтобы можно было от него требовать таких же сердечных отношений любви к каким-нибудь жителям других народов и стран. И лишь тогда, когда христианин становится взрослым и вполне развитым, горизонт его раскрывается широко, и “ближним” для него становится всякий человек, к какому бы народу он ни принадлежал. Но, конечно, прежде и более всего он изо всех людей любит, во 1-х, свою семью, своих родных, среди

которых он вырос и живет, а во 2-х, свою страну, свой народ, к которому он принадлежит. С этим народом он связан всеми своими государственно-политическими и гражданскими обязанностями. Его история, культура, обычаи, все отличительные черты его родного народа, а в особенности, его святыни — являются для него также “своими,” “родными.” Он привязан к своему народу, к своей родине, он их любит — и эта любовь к родине и есть тот христианский патриотизм, против которого так усиленно борются космополиты в своем заблуждении.

Но, конечно, христианский патриотизм чужд тех крайностей и ошибок, в которые часто впадают люди, именующие себя “патриотами.” Христианин-патриот, любя свой народ, не закрывает глаза на его недостатки и трезво смотрит на его национальные свойства и характерные черты. А поэтому он никогда не согласится с теми “патриотами,” которые все родное (даже национальные пороки и недостатки — пьянство, ругань и т. д.) склонны возвеличивать и считать законным и хорошим. Он не замечает того, что это уже не патриотизм, — а раздутая национальная гордость, т. е. тот грех, против которого так сильно борется христианство. Нет, истинный патриот не закрывает глаза на грехи и недуги своего народа — он видит их, скорбит о них, борется с ними и кается пред Богом и другими людьми за себя и свой народ. Кроме того, христианский патриотизм совершенно чужд ненависти к другим народам. Если я люблю свой народ, то почему же я должен не любить китайцев, турок, евреев или любой другой народ? Это было бы нехристианским чувством. Нет, дай Бог и им всякого благополучия, ибо все мы люди — дети одного Отца.

Но самые главные данные в пользу патриотизма мы можем найти а Священном Писании. Еще в Ветхом Завете — вся история еврейского народа исполнена свидетельством о том, как евреи любили свой Сион, свой Иерусалим, свой храм. Это был лучший образец истинного патриотизма, любви к своему народу и его святыням. И недаром наша христианская Церковь это прославление евреями своих святынь взяла в свое богослужение, хотя, конечно, в их христианском понимании, и поет “благословен Господь от Сиона, живой в Иерусалиме. Аллилуйя.” Особенно поразительный пример любви к своему народу в Ветх. Завете показал пророк Моисей. Когда, сразу после заключения завета с Богом, израильский народ изменил своему Богу и поклонился золотому тельцу, сильно возгорелся тогда гнев правды Божией. Моисей стал молиться о согрешившем народе, не сходя 40 дней и 40 ночей с горы, на которой он молился. Господь отвечал “Оставь Меня, не удерживай, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их.” Замечательно в этих словах Божиих — свидетельство о силе молитвы праведника — которою он, по смелому выражению Иоанна Златоуста, как бы связывает Бога! — Еще пламеннее стал молиться великий пророк — и наконец, воскликнул: “Прости им грех их, а если нет — то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал...” — “и послушал его Господь и на сей раз, и не восхотел погубить,” — говорит св. Библия. Разве это — не высочайший подвиг самоотверженного патриотизма?

Подобный же пример из Нового Завета мы видим в жизни великого апостола Павла. Никто не мешал ему в деле проповеди так злобно и упорно, как его соотечественники, не уверовавшие во Христа. Они ненавидели Павла, считая его изменником вере своих отцов. Что же говорит апостол об этих своих соотечественниках? А вот что: “Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян.” Из этих слов мы видим его любовь к родному народу. Эта любовь была так велика, что он, подобно Моисею, готов был даже пожертвовать своим личным вечным спасением (а не временною только жизнью) за спасение этого народа.

Но вот — пример Самого Спасителя. В Евангелии мы читаем, как Он говорил о том, что пришел прежде всего — к своему народу. В другом случае Он, обращаясь к Иерусалиму, говорил:

“Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посылаемых к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели” (Лук. 13:34-35). А когда Он ехал а Иерусалим под крики “осанна,” когда весь народ ликовал в восторге, Спаситель плакал... Но плакал Он не о Себе, а об этом Своем городе — о гибели тех, кто сейчас кричал Ему “осанна,” а через несколько дней будут кричать “распни, распни Его...” Так Сам Он любил свой народ — трогательной, глубокой любовью.

Таким образом, чувство патриотизма христианством не отрицается и не осуждается. Не осуждается им, вопреки ложной точке зрения космополитов, и законность преимущественной любви к своим родным и близким. Мы знаем уже слова апостола: “если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.” А в другом месте, говоря об избрании кого-либо на служение Церкви, апостол ставит условие, чтобы избираемый “хорошо управлял детьми и домом своим.” Но еще раз подчеркиваем то, что такая любовь и забота не должны быть эгоистичными, самозамкнутыми. Нет, забываясь о тех, кто в жизни непосредственно соприкасается с ним, христианин должен всегда в своей христианской любви не забывать и других людей — своих ближних и братьев во Христе. В заключение, приведем еще слова ап. Павла (из послания к Галатам): *“Пока есть время, будем делать добро всем, а в особенности — своим по вере.”*

23. Семья и государство

Христианский взгляд на войну (отзывы преп. Афанасия Афонского и св. равноапостольного Кирилла).

Очевидно, что тот христианский патриотизм, о котором мы говорили выше, требует от каждого из нас посильного служения отечеству. Это служение человеком осуществляется, прежде всего, тогда, когда он находится на той или иной государственной или общественной службе. Конечно, ценность такого служения еще увеличивается, если оно совершается бескорыстно — вне зависимости от каких-либо материальных расчетов и соображений. Но человек так или иначе служит своему государству и тогда, когда он, напр., участвует в его жизни, работая и выступая в печати, или на общественных выборах и т. п. И вот тут он и должен стремиться к тому, чтобы принести пользу именно всему отечеству, всему народу, а не соблюдать только свои личные (или партийные) интересы. И тогда его совесть будет спокойна. Пусть он и не достигнет большого внешнего успеха — но зато честно, по-христиански исполнит долг патриота и верного сына своей родины.

Существует поговорка: “Друг познается в несчастье.” И у истинного патриота любовь к родине и своему народу проявляется в особенности сильно в пору всенародных испытаний и бедствий. Всякий знает, как чувствует себя человек, у которого тяжело больны близкие ему люди. Ему не до развлечений и удовольствий. В своем горе и заботе он иногда даже не может есть и пить, или освежить себя отдыхом и сном. Нечто похожее должно проявляться при бедствиях родины у того, кто ее действительно любит искренне, по-настоящему. Если же у нас сердце сверху до низу набито лишь своими личными пережи-

ваниями и интересами, если на словах мы и охаем, и вздыхаем, а дела наши отстоят от слов — как “отстоят востоцы от запад,” то плохая тут любовь к отечеству!

Одним из наиболее ярких и самоотверженных подвигов в деле служения своему отечеству у нас признается смерть за родину, главным образом на войне. Христианин-воин, защитник родины и ее святынь, явно исполняет заповедь Христову: “Нет больше той любви, если кто душу свою положит за друзей своих.”

Конечно, война сама по себе есть, безусловно, зло, крайне печальное явление, глубоко противное самым основам христианства. Нечего и говорить о том, как было бы отрадно, если бы люди перестали воевать друг с другом и на земле воцарился бы мир. Но печальная действительность говорит совсем иное. И только разные мечтатели, далекие от действительности, и узко-односторонние сектанты могут отрицать войну, т. ск. не допускать ее в действительную жизнь.

Вне всякого сомнения — те, кто указывает на заповедь “не убий,” справедливо говорят о том, что война есть нарушение этой заповеди. Никто против этого и не спорит. Однако, — мы видим из св. Библии, что в то самое ветхозаветное время, когда была дана эта заповедь, Израильский народ воевал по Божию повелению и с помощью Божией — побеждал врагов. Кроме того, мы уже приводили из Ветхого Завета заповедь о том, что человек, злословящий своих родителей, должен быть предан смерти. Следовательно — заповедь “не убий” не распространялась, безусловно, на всякий случай отнятия жизни у человека. Этой заповедью запрещается только личная расправа одного человека над другим по его личному решению и произволу. Когда Господь в Новом Завете разъяснял глубокий смысл этой заповеди, Он указал, что ею запрещается не только убийство, но и вообще — нехристианский, напрасный гнев. Но он же, Господь, в беседе с апостолами о последних днях, говорил им: *“Услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть.”* Этими словами Его о неизбежности войны опровергаются все заявления отрицателей войны о том, что христианство отрицает войну безусловно — до полного непризнания ее, и отказа участвовать в ней. Да, уже говорили мы о том, что война — отрицательное явление в человечестве. Однако, она будет существовать — как иногда единственное на земле средство защиты правды, защиты попираемых святынь и прав народа — от захвата, от грубого вторжения и насилия. И только такие войны — во имя справедливости и восстановления порядка и правды — берутся христианским учением под свою защиту. Недаром читаем мы в Апокалипсисе о том, что война была даже на небе (Апок. 12:7) — когда св. Архистратиг Михаил и ангелы свергли с неба Божия изменника диавола с его единомышленниками — падшими ангелами...

Из жития преподобного Афанасия Афонского известен следующий случай. В его монастыре принял монашество грузинский князь Торникий, ранее выдающийся полководец греческих войск. В трудную для государства минуту, при войне с персами, императрица Зоя вызвала Торникия для начальствования над войсками. Торникий наотрез отказался, ссылаясь на то, что он уже монах. Но преподобный Афанасий сказал ему: “Мы все дети одного отечества и обязаны защищать его. Наша обязанность — ограждать отечество от врагов молитвами. Но если Верховная Власть признает нужным употребить на пользу общую и руки наши и грудь, мы беспрекословно должны повиноваться... Если ты не слушаешь Царя, то будешь отвечать за кровь твоих соотечественников, которых ты не хотел спасти, и за разорение храмов Божиих...” Торникий повиновался, победил врага и спас отечество от опасности. А св. равноапостольный Кирилл в беседе с мусульманами о войне говорил им: “мы терпим великодушно свои личные обиды; но в обществе друг друга за-

щищаем, полагая души свои за ближних своих, дабы вы, пленив наших сограждан, не принудили их к отречению от веры и богопротивным деяниям...” Наконец, кому из русских людей неизвестен пример преподобного Сергия Радонежского, который благословил на войну князя Дмитрия Донского, молился об успехе русского оружия, и поминал воинов, погибших на поле брани?..

Конечно, участвуя в войне, человек может и грешить, и сильно грешить. Это бывает тогда, когда он вкладывает в свое участие в войне чувство личной ненависти и мести, или же тщеславия и горделивых личных стремлений. И наоборот — чем меньше мысли о себе и больше готовности положить голову свою за других, тем ближе к мученическому венцу такой воин-христианин.

25. Коммунизм

Общение имущества в христианстве и в коммунизме. Нарушение справедливости в коммунизме. Идеология христианства к коммунизма.

Рассмотрим теперь вопрос об отношении христианства к коммунизму. Тому коммунизму, который теперь на глазах всего мира явился как факт, как попытка реального осуществления в жизни социалистических идей — в советской России.

Всем известно, что коммунизм прямо выступил в истории как заклятый и ожесточенный враг христианства. Со своей стороны, и христианство признает его совершенно чуждым и враждебным себе, по самому его духу, по всему содержанию его идеологии.

История Церкви апостольских времен говорит нам о том, что в те времена у верующих было все общее, как говорит книга Деяний Апостольских. Да и теперь этот христианский вид коммуны существует в общежительном монашестве, которое считается лучшей формой для христианской аскетической жизни. Таким образом, общение имущества с христианской точки зрения весьма приемлемо, и более того: это светлый, идеально-высокий тип христианских взаимоотношений, примеры которого были и существуют в жизни православной Церкви.

И как велика разница между такой христианской общностью имущества и марксизмом-коммунизмом! Один от другого отстоит, как небо от земли. Ведь христианская коммунальность не представляет собой цель, к которой стремилось бы христианство. Нет, она есть — следствие и порождение того духа любви, которым дышала Церковь первых времен. Кроме того, этот христианский коммунизм был вполне добровольным. В нем никто не говорил: “Отдай твое, оно принадлежит нам,” а, наоборот, христиане сами жертвовали так, что “никто из них ничего из имения своего не называл своим.” Что же касается социалистического коммунизма, то в нем общение имущества является самоцелью, которой нужно добиться во что бы то ни стало, и не взирая ни на что. И творцы коммунизма этого добиваются — чисто принудительным путем, не останавливаясь ни пред какими мерами, даже пред уничтожением всех несогласных... И основа этого коммунизма — не свобода, как в христианском коммунизме, а насилие, не жертвенная любовь, а зависть и ненависть...

Главная борьба коммунизма — это борьба с христианством. Она заходит так далеко, что отказывается даже от элементарной, всеми признаваемой, справедливости. В своей классовой идеологии коммунизм в сущности попирает всякую справедливость. Предметом его забот служит не общее благо всех граждан государства, а только интересы своей

партии. Все группы населения, рабочие, крестьяне и интеллигенция оставлены за “бортом,” вне всяких попечений коммунистического правительства. Они могут голодать, могут не иметь ни копейки заработка — правящим “сферам” до этого нет никакого дела. Что это, как не попрание справедливости и издевательство над миллионами людей?..

Коммунизм, говоря о новом строе “свободного” государства, постоянно упирает на то, что этот строй есть “диктатура пролетариата.” Но давно уже выяснилось, что в советской России этой обещанной диктатуры пролетариата нет и в помине, а есть — диктатура над пролетариатом. Тем более, нет там обычных проявлений политической свободы: ни свободы печати, ни свободы собраний, ни неприкосновенности жилища. Только те, кто жил в России, — знают всю тяжесть и силу того гнета, который царит там. А над всем этим стоит небывалый еще политический террор — казни и убийства, ссылки и заточения в невероятно тяжелых условиях. Вот что дал коммунизм русскому народу — вместо обещанной свободы...

В своей политической пропаганде коммунизм утверждает, что он добивается осуществления свободы, равенства (т. е. справедливости) и братства. О первом и о втором мы уже говорили; что же касается “братства” — то несомненно, что это слово украдено у христиан, называющих друг друга “братия.” А у апостола Петра прямо сказано “*Всех почитайте, братство любите...*” (1 Пет. 2:17). Но в практической жизни коммунисты, как известно, слово “брат” сразу заменили словом “товарищ.” И это — очень показательно, т. к. товарищами могут быть и соучастники в преступлениях, и члены какой-либо разбойничьей шайки. А о “братстве,” конечно, и говорить не приходится там, где проповедуется классовая борьба, зависть и ненависть...

Все эти различия между христианством и коммунизмом не исчерпывают, однако, самой сущности противоречия между ними. Коренное, главное и все объясняющее отличие коммунизма от христианства лежит еще глубже — в идеологии того и другого. Недаром так злобно и упорно коммунисты борются с Православной верой.

Коммунизм отрицает всякую религию. На самом же деле он сам является религией — самой фанатичной когда-либо существовавшей в мире — самой нетерпимой и темной. Христианство есть религия, ведущая к Небу, коммунизм — религия, ведущая в преисподнюю. Христианство проповедует любовь ко всем — коммунизм проповедует классовую ненависть и уничтожение несогласных. Христианство — возвышенная религия, основанная на вере в победу Правды и Любви Божией. Коммунизм — религия, преследующая цель создания земного “рая” (рая животной сытости и духовного одичания). И недаром, на могиле христианина ставится крест, а на могиле коммуниста — красный кол. Как это показательно, ярко и символично для той и другой стороны! С одной — вера в победу жизни над смертью и добра над злом. С другой — беспросветная тьма, мрак и пустота, без всякой отрады, утешения и надежды впереди. И в то время, как уже после смерти святые мощи подвижников Христовой веры цветут нетлением и благоухают — гниющий труп набальзамированного “Ильича” есть наилучший символ коммунизма...

26. Отношение к Богу

Взаимное отношение между любовью к Богу, к ближнему и к себе самому. Неразрывная связь между любовью к Богу и любовью к ближнему. Настроение детской преданности как основное настроение христианина.

Восходя от низших обязанностей к высшим, мы поднялись до вершины их — до наших обязанностей в отношении к Богу. По ясному и точному указанию Священного Писания, главная обязанность человека в отношении к Богу — любовь к Нему. Эта любовь была заповедана еще в Ветхом Завете, где было сказано: “Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всею мыслию твоею.” А в Новом Завете Сам Г. И. Христос об этой заповеди сказал: “сия есть первая и большая заповедь.”

К этой главной заповеди Закона Божия Спаситель присоединил еще вторую — о любви к ближнему, как к самому себе. Об этой заповеди Он сказал, что она “подобна ей” — т. е. подобна первой заповеди о любви к Богу. И святая Церковь, основываясь на этих словах Самого Господа, навсегда установила следующий порядок в нравственных обязанностях человека: любовь к Богу и ближним, а по отношению к себе — забота о спасении души. Поэтому — любовью к себе нужно жертвовать во имя любви к Богу и ближнему. Любовь к ближнему т. ск. занимает среднее место. Она господствует над любовью человека к самому себе, но в свою очередь подчиняется высшей любви — любви человека к Богу, Которого мы должны любить больше всего.

Теперь часто можно слышать речи о том, что сильная любовь человека к Богу будто бы вредит и мешает его любви к ближнему. Поэтому (так говорят те, кто так думает) человек больше всего должен думать и заботиться о своих обязанностях по отношению к ближнему, и этим он исполнит и обязанности по отношению к Богу. Люди, думающие и говорящие так, в особенности восстают против подвигов отшельнической жизни. С их точки зрения, отшельнический образ жизни есть проявления эгоизма и нелюбви к другим. Отшельник (по их мнению) есть человек, занятый исключительно самим собой, и спасением своей души, и нисколько не думающий о других.

В этих рассуждениях есть доля истины. Едва ли станет кто-либо спорить против того, что служа своему ближнему, христианин этим исполняет и свои обязанности по отношению к Богу. Больше того. По учению апостола любви Иоанна Богослова, любовь к ближнему есть показатель любви к Богу. „Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?” И ни один христианин не сомневается в том, что делая добро ближним, мы этим служим Богу, ибо исполняем Его закон любви. Однако, не менее несомненно и то, что любя Бога, мы никогда не можем этою любовью к Нему помешать своей любви к ближнему — Бог есть любовь (1 Иоан. 8:16). Любя Бога, мы этим переводим себя в высшую духовную атмосферу — атмосферу любви и нового „дыхания жизни.” И сердце христианина, исполненное такой божественной любви, всюду посылает, на всех обращает лучи этой христианской любви. Таким образом, вопреки тому мнению, которое мы выше приводили, любовь человека к Богу не только не препятствует его любви к ближнему, но наоборот — укрепляет и углубляет ее.

Прекрасное разъяснение связи между любовью к Богу и к ближнему дано одним из подвижников нашей православной Церкви, аввою Дорофеем. Оно дается нам в такой тематической иллюстрации.

В круге А центр есть Бог, а люди — точки на окружности. Радиусы соединяют их с Богом, а окружность — с собою. И вот — мы видим, что люди, приближаясь к Богу (по радиусу), одновременно с этим приближаются и друг ко другу, с приближением точек окружности к центру. Но и к Богу, и к ближним человек может приблизиться только чрез любовь.

А отсюда следует с несомненностью то, что любя Бога, человек непременно будет любить и своих ближних. Круг В указывает нам на то, что христианская любовь к ближнему, в свою очередь, приводит человека к любви к Богу, и, приближая себя чрез любовь к другим людям, человек чрез это приближается и к Богу. Так оба эти рода христианской любви неразрывно и тесно связаны между собой.

В истории христианского подвижничества мы постоянно видим, как подвижники, пламеневшие любовью к Богу, оставляли мир с его соблазнами. Это они делали по заповеди апостола любви Иоанна Богослова, который сказал: *“Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей”* (1 Иоан. 2:15). Но напрасно думают о них, будто они этим отрекались и от своей любви к людям, живущим в мире. Нет, они сами постоянно указывали на то, что они бежали не от людей, а от грехов, разлитых в мире, от соблазнов грешной мирской жизни. Но любили они своих братья, остающихся в мире — неизмеримо больше, чем те, кто в этом мире жил и участвовал в его грехах. Не следует забывать того, что уединение этих подвижников всегда было заполнено молитвой, а христианская молитва есть не только о себе, но и о других. Из жития преподобного Пахомия Великого, уроженца города Александрии, известно следующее. Однажды он узнал о том, что на его родине — в г. Александрии свирепствуют голод и эпидемии болезней. Тогда преподобный три дня провел в слезах и оставил вовсе и ту скудную еду, которую позволял себе. Ученики упрашивали его подкрепить себя пищей, но св. Пахомий отвечал: *“Как могу я есть, когда братия мои не имеют хлеба...”* Как далеко до такой любви и сострадания и самым лучшим из нас!

Так любовь христианина к Богу есть не только вершина его нравственного восхождения, но и основа его духовного бытия. Без любви нет и не может быть духовной жизни, подвига, добродетели. А высшее служение христианской любви — служение пастырское — только и может существовать у того, кто полюбит Христа. Недаром Сам Спаситель, призывая апостола Петра на проповедь, спрашивал его: *“Симоне Ионин, любиши ли мя паче (больше) сих?”* Но и вообще, религия наша — религия любви. *“Потому узнают все, что вы — Мои ученики, если вы будете иметь любовь между собою,”* — говорил Господь. Здесь речь идет не только о взаимной христианской любви людей друг к другу, но еще больше — о сыновней любви и детской преданности Тому, Кого Евангелие постоянно называет *“Отец наш Небесный.”* И потому-то основой истинно-христианской жизни в человеке является сердце, не только верующее в Бога, но и детски преданное Ему, и проникнутое искренним влечением к Нему — как к Любящему и любимому Отцу.

27. Богопознание

В предыдущей главе мы видели, что первая основная наша обязанность по отношению к Богу, это — любовь к Нему. Само собой разумеется, что с этой любовью от нас требуется и то, чтобы мы знали Того, Кого должны так любить. Человек не будет и не может любить того, кого он не знает. Так любовь к Богу приводит нас к обязанности богопознания.

Нельзя не отметить того, что эта обязанность — одна из наименее соблюдаемых нами в настоящие дни. Ранее было иное. Тогда интерес к богословским вопросам, к религиозному знанию глубоко захватывал христианские души. Св. Григорий Богослов свидетельствует, что в его время даже торговки на базаре, вместо своих торговых дел, предпочитали спорить о единосущии и подобосущии Сына Божия. Теперь же многие интеллигентные

люди, иногда даже пишущие и говорящие на различные чисто христианские темы, полужитительно боятся всякого богословия. Они считают все его вопросы и разъяснения какими-то искусственно-схоластическими и далекими от жизни.

Отсюда происходит то удручающее религиозное невежество, то незнание основных истин своей веры, которое так поражает в наши дни. Возьмите, напр., в массе интеллигентных образованных русских людей. Они перечислят вам без ошибки всех царей из дома Романовых, назовут главных русских писателей и т. д. Не знать этого — считается позором для образованного человека. Но предложите им назвать, напр., главные догматы христианской веры или имена двенадцати Христовых апостолов (т. е. людей, которые для человечества сделали неизмеримо больше всякого царя или писателя) — в 9-ти случаях из 10 результат будет самый плачевный. Но еще хуже — то, что невежество в этой области отнюдь не считается чем-то позорным, и люди признаются в нем — с легким сердцем...

Совершенно несомненно то, что каждому христианину необходимо иметь представление о содержании своей веры и об основных истинах ее — о догмате Троичности, о любви Божественной, воплощении, искупительной смерти и воскресении Спасителя, о будущих судьбах мира и человека, и т. д. и т. д. И эти вопросы для человека не чужды и не скучны, а жизненны и важны, т. к. от их разрешения зависит самый смысл и назначение его жизни.

И все эти вопросы, конечно, сводятся к одному: есть ли Бог и кто Он есть? Эти вопросы исключительной важности даже для людей маловерующих. А для верующих людей — знать о Боге, знать — что Он значит для нас и далее, какова Его воля относительно всех нас, это — знание основное, и важнейшее и драгоценнейшее в жизни. Да и сама жизнь христианская определяется прежде всего, именно познанием Бога. Об этом Сам Господь, молясь Своему Отцу перед страданиями, говорил: “сия же есть жизнь вечная, да знают Тебе, Единого Истинного Бога, и Того, Кого Ты послал — Иисуса Христа...”

Из всего этого мы видим, что богознание — прямой наш христианский долг. А путем к нему, помимо изучения богословских наук, является богомыслие. Богомыслием называется такая душевная настроенность, когда человек намеренно вводит в свое сознание и поддерживает в нем представление о Боге, о Его высочайших свойствах, о деле нашего спасения, о нашем вечном будущем, и т. д. Такое богомыслие было любимо нашими христианами подвижниками, но многим и многим из нас оно, к сожалению, совсем незнакомо.

Конечно, то богопознание, о котором мы говорим, отнюдь не есть рассудочное восприятие памятью тех или иных положений нашего христианского учения веры и жизни. Христианство есть живая жизнь, переживания человеческого сердца; а поэтому оно и воспринимается людьми не одинаково. Чем больше пережил христианин истины и заповеди своей веры в личной своей жизни, во внутреннем опыте духовной борьбы и старания жить по Евангелию Христа — тем глубже усвоено им христианство. И наоборот, если человек относится к своей вере сухо, внешне формально, и не руководится призывами Христова Евангелия в своей личной жизни — он не примет христианства в свою душу и сердце, и глубокое содержание истин Христовой веры останется ему чуждым...

28. Молитва

Необходимость молитвы. Что значит “молиться духом и истиною.” Типы молитвы по ее содержанию.

В религиозной жизни человека то богопознание, о котором мы говорили выше, основывается, очевидно, на вере. Эта вера есть первый отклик человеческого сердца на содержание данных религиозных истин, согласие с ними и принятие их. В дальнейшем эта вера, укрепляясь и углубляясь, приводит сердце человека к упокоению в Боге — к христианской надежде на Бога. С другой стороны, все христианство учит нас тому, что христианская вера неразрывно связана с любовью к Богу. А любовь всегда требует живых, личных отношений к тому, кого мы любим. И в отношении к Богу, эта любовь прежде всего и больше всего проявляется в молитве.

Кто не молится Богу — тот не христианин... Молитва есть первый и необходимейший элемент нашей духовной жизни. Она есть дыхание нашего духа, и без нее он умирает как умирает без воздуха тело человека. Вся жизнь тела зависит от его дыхания, от того — дышит человек, или не дышит. Точно так — в духовной жизни все зависит от молитвы, и человек, не молящийся Богу, в духовном отношении — мертвец...

Молитва есть беседа человека с Богом. Кто помнит, знает, любит Бога, тот непременно будет обращаться к Нему, а это обращение и есть молитва. Но глубоко ошибочен тот взгляд на молитву, который так распространен теперь (особенно среди молодежи). Люди часто говорят: “захочется молиться — буду молиться; нет охоты — не нужно принуждать к ней, в молитве не должно быть насилия...” Полное непонимание дела! Что вышло бы из земной деятельности человека, если бы он ни к чему себя не принуждал, а только делал то, что ему хочется?! Тем более, это в жизни духовной. В ней все ценное, устойчиво прочное приобретается усилием, подвигом работы над собой. Еще раз припомним: “Царствие Божие (и все, относящееся к нему) силою нудится” (усилием достигается). Нет, христианину необходимо раз навсегда заложить в сердце своем то, что он должен молиться во что бы то ни стало — не взирая ни на какие свои хотения или нехотения. Если есть доброе желание молиться — благодари Бога, от Которого исходит все доброе, и не теряй случая помолиться от души. Если нет этого желания, а настало время молитвы (утром, вечером, в храме) — нужно принуждать себя, ободряя свой унылый и ленивый дух тем, что молитва (как всякое доброе дело) тем ценнее в очах Божиих, чем труднее она дается. Господь не гнушается никакой молитвой, если человек молится искренно — как умеет, хотя бы у него не было еще навыка молиться вполне сосредоточенно и с неослабевающим усердием.

И тот, кто сколько-нибудь живет духовною христианскою жизнью, всегда найдет о чем ему молиться. Ведь для него Бог — и любящий Отец, и могучий Защитник, и неисчерпаемый Источник помощи и силы, и к Нему христианин спешит в нужде и в горе, как дитя к своему отцу. Только нужно сознавать свою немощь и бессилие и всецело предавать “себя и друг друга, и весь живот (жизнь) нашу Христу Богу” — ибо в Нем — наша вера, надежда и любовь.

В своей беседе с самарянкой Г. И. Христос указывал, что “истинные поклонники должны поклоняться Отцу в духе и истине.” Вот — основной принцип христианской молитвы. Она должна совершаться в духе и истине, а потому христианин, молясь, должен все свои душевные силы собрать воедино, глубоко сосредоточившись в себе, в своей душе, и вдумываясь в слова молитвы. Само собой понятно, что при таком правильном взгляде на молитву никак нельзя назвать “молитвою” то действие человека, когда он только присутствует на молитве или читает ее языком, а мыслями — далек от нее. Про таких “молитвенников” Иоанн Златоуст говорит: “Тело твое было внутри церкви, а мысль твоя летала неведомо где. Уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, поля, владения, друзей... Ты сам не слышишь своей молитвы, как же хочешь, чтобы Бог услышал ее?..” Нет,

не такова должна быть молитва христианина. Он молится “духом и истиною.” Молится духом — сосредоточившись в глубине своего “я,” глубокими сердечными переживаниями. Молится истиною — не лицемерно, но в правде своей настроенности, в истинном обращении к Воплощенной истине — Христу Спасителю.

Конечно, этим не отвергается (вопреки сектантским заблуждениям) необходимость для человека и внешней молитвы — но только при ее соединении с молитвою внутреннею. Человек — не ангел, душа его не живет без тела, как и тело без души. Апостол Павел говорит: “прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии.” И поэтому, самый основной и полный вид молитвы — та молитва, в которой есть на лицо и внутренняя и внешняя сторона. Они тесно соединены между собою — как внутренние переживания и обращение человека к Богу, так и внешние действия — поклоны, стояние на молитве, крестное знамение и различные молитвенные действия.

Обычно различают три вида молитвы: прошение, славословие и благодарение. И в наших молитвословиях и богослужении все эти три вида и применяются, взаимно сменяясь.

Самым естественным и распространенным у нас представляется первый вид — прошение. И Господь не только не запретил этого вида молитвы, но прямо заповедал его нам. “Просите, и дастся вам, ищите, и обрящете, толцуйте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет и ищай обретает, и толкующему отверзется.” И в прощальной беседе Он говорил: “Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во Имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во Имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна...”

Человек, молящийся Богу, должен помнить, что молитва не бывает и не может быть не услышанной, если она искренна и дышит живой верой. Сам Господь говорил: “Все возможно верующему.” А апостол Иаков поясняет, как губительно сомнение в молитве: “Сомневающийся подобен волне морской, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-либо от Господа.” И во св. Евангелии мы многократно читаем, как Господь, исцеляя тех, кто просил у Него исцеления, говорил им: “По вере вашей будет вам... Вера твоя спасла тебя...” Но, твердо веря в силу, милость и помощь Божию, христианин не должен забывать того, что всякое прошение о своих нуждах он должен предать всеблагой воле Небесного Отца, который знает, в чем мы нуждаемся. При такой вере и преданности воле Божией, он равно будет благодарить Бога — исполнит или не исполнит Господь его молитву. И это — вполне естественно, т. к. он безусловно уверен в том, что премудрость и любовь Божия все направляет к пользе и благу человека. Недаром поется в церковной молитве, что Господь “глубиною мудрости человеколюбно все строит и полезное всем подает...”

29. Молитва Господня

Молитва “Отче наш,” как образец христианской молитвы. Три основных части в ней. Благодарно-прославительный характер христианской молитвы (особенно в литургии).

Образцом молитвы для нас, христиан, является, конечно, молитва Господня. Рассматривая ее состав и содержание, мы видим, что внешне по своему составу она делится на 3 части: 1-я-призывание, 2-7 прошение, и 3-я — славословие. По внутреннему же ее содержанию ее можно разделить также на 3 общие части: первая — главная и основная, охватыва-

ет собою призывание и 3 первых прошения; далее идет четвертое прошение о хлебе насущном, и наконец — 3 прошения о наших личных грехах.

1. О чем же прежде всего и больше всего должен молиться христианин? О том, к чему он и стремиться должен больше всего: “о Царствии Божиим и правде Его.” Это мы и видим в первой части молитвы. Обращаясь к Богу, как к Отцу Небесному, христианин этим свидетельствует о том, что наше истинное отечество — не на земле, а на небе. “Наше жителство — на небесах,” — прямо писал апостол Павел. — И в этом обращении к Отцу христианин молится о том, чтобы свяtilось Имя Божие — и в личной жизни каждого из нас, и в общечеловеческой истории. Оно святится в особенности тогда, когда мы, христиане, чрез творение добрых дел приводим неверующих к тому, чтобы они “прославляли Имя Отца нашего Небесного.” — Далее христианин молится о том, чтобы на земле водворилось Царствие Божие. Всматриваясь в жизнь, он видит в ней постоянную борьбу двух начал: света и тьмы, правды и лжи, добра и зла. А видя это, он не может не молиться о том, чтобы в нашей жизни явилась победа света над тьмой и восторжествовало Царство божие — Царство Правды и Добра. В третьем прошении молитвы Господней мы молимся о том, чтобы в жизни людской исполнялась воля Божия — так, как она исполняется в горнем, небесном мире. Христианское сознание убежденно и твердо говорит человеку о том, что положиться на волю Божию — это не только наш долг, но и настоящая мудрость, правда жизни. Отец Небесный знает, что полезно и нужно каждому из нас, и по своей бесконечной любви и благодати желает нам блага и спасения более, чем мы желаем их сами себе. Поэтому и говорит апостол: “*Все заботы свои возложите на Него; ибо Он печется о вас*” (1 Пет. 5:7).

Четвертое прошение молитвы Господней — единственное, в котором говорится не о духовных, а о телесных наших нуждах. Мы должны просить себе хлеба насущного — т. е. необходимого для нашего существования, для поддержания телесной жизни. А о том, что сверх этого — “если дано будет — благодарить Бога, а если не будет дано — не заботиться” (выражение из катехизиса). Конечно, под хлебом насущным здесь подразумевается все необходимое для нас — пища, одежда, жилище и т. д. И это четвертое прошение указывает человеку на то, что земная наша жизнь с ее “житейскими поучениями” — также является предметом заботы о нас Небесного Отца. Ап. Павел говорит: “*Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам Господь сказал: не оставлю тебя, и не покину тебя...*” (Евр. 13:5).

Пятое прошение молитвы Господней говорит о прощении грехов. Не только в этом прощении, но и в других местах Своего учения Господь точно указывал на то, что необходимым условием для получения нами от Бога прощения грехов — является прощение нами наших ближних. Но как часто это прощение является неправдою в Очах Бога, Которому мы молимся. Мы читаем: “остави нам долги наши как и мы прощаем должникам нашим,” а в действительности — не прощаем и не оставляем, но обижаемся, долгое время таим в сердце досаду и желание ответить. А потому всякий раз при этом прощении христианин должен припомнить — простил ли он своим врагам и обидчикам. И если этого нет, если он не простил — он не может ожидать и себе самому прощения от Бога.

Два последние прошения, 6-е и 7-е, говорят об одном: о причинах греха. Сначала мы просим удалить от нас его зародыш — соблазны и искушения, а затем — избавить от лукавого, т. е. от родоначальника всех грехов — дьявола. Люди обычно боятся внешних несчастий: неудач, болезней, бедности и т. д. Христианство же учит нас бояться более всего за бессмертную душу. “*Не бойтесь,*” — говорил Господь, — “*убивающих тело, души же*

не могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне.” И в другом месте — о внешних бедствиях Господь, перечислив внешнее испытание и гонения за веру, прямо говорил: “Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.”

Нет, христианин бояться должен не внешних несчастий и бед, а своих грехов и падений. Всякий знает, насколько привыкаем мы грешить, греша буквально на каждом шагу и в каждый момент своей жизни. А грех есть беззаконие, нарушение Закона Божией Правды, и потому результатом его является мучение и скорбь ”плач и скрежет зубов...” И вот, молитва “Отче наш” держит наше сердце в глубоком отвращении от этих духовных зол, и мы, смиренно исповедуя свою слабость и склонность ко греху, просим сохранить нас от падений в искушающие нас грехи и избавить от лукавого начальника греха — дьявола.

К этим семи прошениям, как известно, присоединяется торжественное прославление силы, власти и славы Божией. В этом прославлении Божия величия заключается и сыновнее выражение непоколебимой и ясной уверенности в том, что все просимое дано будет нам от любви Небесного Отца — ибо Его есть “царство и сила и слава во веки. Аминь.”

Но не только одна молитва Господня заключается таким славословием. Молитвы славословия в чистом, обособленном виде (напр. “хвалите Имя Господне” или “Свят, свят, свят” и т. д.) употребляются нами не так часто. Но они представляют из себя обычно окончания наших молитв (особенно богослужебных) и всегда носят особо торжественный и священный характер. Поэтому и произносит (возглашает) их всегда сам священнослужитель — епископ или священник. Наиболее важными и характерными молитвами прославления являются песнопения “Слава в вышних Богу” (великое славословие) и “тебе Бога хвалим.” Молитвы славословия, по преимуществу, должны быть названы молитвами возвышенно-христианскими, ибо в них более всего выражается любовь христианина к Богу и преклонение пред Его высочайшими совершенствами.

С молитвою славословия неразрывно связан в Богослужении третий вид молитвы — благодарение. Само собою разумеется, что христианин, любящий Бога и знающий о Его любви, милосердии и благодеяниях — не может не испытывать в сердце благодарности к Нему. Самым главным молением благодарения является главнейшая наша служба — Божественная литургия. Главная ее часть — так называемый “евхаристический канон” — так и начинается словами “благодарим Господа.” И та чистейшая бескровная жертва, жертва правды, жертва тела и Крови Христовых, которая приносится за литургией в таинстве Св. Причащения — хотя видимо приносится людьми, но невидимо совершается самим Христом Спасителем. Его благодатию и всемогущей силою, а нами, людьми — только принимается с благоговением благодарной любви. Вот почему — в главнейший момент литургии священник торжественно возглашает: “Твоя от Твоих Тебе приносяще, о всех и за вся,” а молящиеся (или певцы — от их лица) отвечают гимном благодарения: “Тебе поем, тебе благословим, Тебе благодарим. Господи, и молимся Боже наш...”

30. Виды молитвы

Молитва домашняя. Молитва церковная (общественная). Христианские праздники и посты.

Мы уже знаем о том, как важна молитва для христианина — для его духовной жизни. Теперь пред нами стоит вопрос: как же нам нужно молиться? В христианском быту пред

нами резко различаются два вида молитвы: молитва частная, домашняя, и молитва церковная, общественная. У той и у другой есть свои характерные черты и особенности.

Когда мы читаем Евангельские наставления Самого Господа о молитве, то видим, что Он, несомненно, вел там речь о молитве первого рода. *“Когда ты молишься, войдя в клеть (комнату, сердце) твою и затворив дверь твою, молись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно”* (Мат. 6:6) И конечно, основным и изначальным видом молитвы должна Быть у нас именно, молитва домашняя, частная. Молитва — дело глубоко интимное, сердечное. Всякий, кто искренно искал молитвы сердечной и умиленной, хорошо знает, насколько легко и естественно молиться наедине, в тишине и спокойствии. И наоборот — Господь нарочито предостерегает нас от молитвы на показ — лицемерной, совершаемой для получения похвалы от людей. Получая эту похвалу, лицемеры *“получали награду свою,”* по слову Господа. И конечно, молитва на виду — дело иногда очень нелегкое и щекотливое, и требуется в этом случае большая привычка к сосредоточенности и углубленности в молитве, чтобы она была проста и искренна, а не совершалась напоказ...

Христианин, молясь Богу, должен непременно вдумываться в слова молитв, читаемых им, и сосредоточивать свою мысль на содержании молитвы. Всякий знает, как много и трудно тут бывает бороться с напором посторонних мыслей и образов, назойливо осаждающих молящегося человека. Это бывает и от личной нашей рассеянности, и от непосредственного воздействия злой, дьявольской силы. Долг христианина — все силы прилагать к тому, чтобы настойчиво отбрасывать в молитве все эти посторонние, иногда и нечистые, мучительно-неприятные для него мысли — и молиться сосредоточенно и благоговейно. При этом не следует забывать того, что усиленный напор мыслей и образов, особенно скверных или богохульных — прямо исходит от дьявола, и если христианин этим мыслям сопротивляется, он получает для своей души пользу, а не вред.

Обычно мы молимся церковными молитвами, с детства знакомыми нам. Это необходимо, ибо вводит нас в ту молитвенную атмосферу, которою дышит церковь. Но здесь нужно бояться того, чтобы постоянное чтение одних и тех же молитв не перешло в их автоматическое повторение, совершаемое механически, без внимания и углубления в смысл и содержание слов молитвы. А потому здесь от христианина требуется полное благоговение и сосредоточенность внимания, чтобы он именно молился — беседовал с Богом, а не скользил верхушками внимания по хорошо знакомым словам.

По согласным свидетельствам подвижников молитвы (Феофана Затворника, о. Иоанна Кронштадтского и др.), кроме обязательного чтения церковных молитв, христианину полезно добавлять к ним молитву своими словами — о собственных нуждах и о нуждах своих близких. Часто христианин не может выразить своих чувств и переживаний в словах молитв церковных (из коих многие ему ведь и неизвестны), и вот тут-то вполне уместна живая, искренняя молитва своими словами — с исповеданием своих повседневных грехов, и с добрыми обетами и обещаниями Богу исправиться и бороться с собой. И такая молитва, конечно, уже не будет молитвой формальной и сухой, ибо она будет исходить из глубины человеческой души.

Только тот, кто приучает себя к проникновенной и постоянной домашней молитве, может по-настоящему и участвовать в церковно-общественной молитве. А участие в ней — долг каждого христианина. О такой молитве Сам Господь говорил: *“где двое или трое собрались во имя Мое, там Я посреди их.”* Вселенский святитель и великий учитель молитвы Иоанн Златоуст говорит: *“Можно, конечно, молиться и дома: но ты не можешь*

здесь молиться так, как молишься в Церкви, где собрано столько лиц, где возносится Богу единодушный глас. Ты не скоро будешь услышан, молясь Господу один, как молясь вместе с братьями своими, ибо здесь есть нечто большее: единомыслие, союз любви, молитвы священников. Во время общественной молитвы не только люди возносят гласы свои, но и ангелы припадают к Владыке, и архангелы молятся...” Таким образом, молитва церковная имеет по преимуществу священный характер. И такую делает ее та благодать Святого Духа, которая, как мы знаем, устрояет нашу духовную жизнь, содействуя нашим личным духовным усилиям. В Церкви служит священник: он не потому священник, что получил духовное образование, или имеет призвание к служению Церкви. Все это только подготавливает его к пастырскому служению. Но священником его сделало только то, что он получил посвящение и чрез таинство священства вступил в число пастырей церкви. Так и храм наш есть храм освященный, с особо освященным престолом и его главной святыней — св. антиминсом, в котором вложены мощи св. угодников Божиих. По слову свящ. Писания, храм наш есть дом молитвы. Сам Господь дал нам пример почтения к этому Божьему дому, когда в земной своей жизни дважды очистил его от всех не порядков и безобразий. И мы постоянно слышим за богослужением, как св. Церковь возглашает: “о святем храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оный (в него) Господу помолимся.” Так и должен входить в храм каждый из нас, помня, что здесь он предстанет пред лице Самого Господа.

Одним из наиболее бросающихся в глаза недочетов нашей современной жизни является наше неумение проводить по-христиански наши праздники. Жизнь наша сложилась так, что в ней преобладают интересы чисто земного характера. Служба, забота о куске хлеба, мелкие впечатления дня, ученье у молодежи — все это заполняет наше время, и человеку даже некогда просто вспомнить о своей душе, ее высших запросах и потребностях. И вот праздники наши и являются просветом в нашей бесцветной жизни, заполненной суетой и “житейскими попечениями.” Праздники полны идейного, религиозного смысла. Они твердят нам о том, что этот мир не так пуст и убог, как нам кажется иногда, ибо над ним распростерт иной мир, дающий душе нашей радость и неотъемлемый мир. Кто не знает, какою радостью исполняется сердце христианина в дни величайшего праздника Пасхи — Светлого Христова Воскресения!..

Но как часто дни христианских воспоминаний и торжеств для нас оказываются днями еще большей пустоты и бессмысленной праздности. Праздник — Божий день, и должен быть посвящен не только отдыху от трудов, но прежде всего, молитве и добрым делам, делам христианского милосердия. А мы постоянно видим, как весь “праздник” у людей состоит в том, что человек побольше поспит, погуляет, развлечется, а иногда и нагрешит в десять раз больше, чем в будни — в разгуле и пьянстве. Конечно, тот, кто праздничное время посвящает исключительно телесному покою и развлечениям — ничем не отличается от язычника, или безбожника, ибо “празднует” — совершенно так же, как они. А как часто мы наблюдаем, что и отдельные люди, и целые общества и учреждения устраивают свои “вечера” и увеселения — в канун праздников. Возмутительный, не христианский обычай! Вечером человек “веселится” часто до изнеможения, до пресыщения, да и не без греха, а утром — когда богобоязненные люди идут к праздничной литургии — он “отдыхает” иногда до полудня... А где же молитва, посещение Божия Храма? Чем такой человек отличается от безбожника или язычника?

Еще более недопустимым является в наши дни у многих людей — их отношение к постам, заповеданным Церковью. Постов у нас много; четыре многодневных — Великий,

Петров, Успенский и Рождественский, а также — однодневные: среда и пятница еженедельно, сочельники: Рождественский и Крещенский, Усекновение главы Иоанна Предтечи, Воздвижение Животворящего Креста и дни страстной седмицы (особенно — Страстная Пятница).

И вот — поразительным и совершенно не христианским является отношение многих и многих из нас — к этим церковным постам. Они, эти посты, нарушаются и не исполняются людьми с такой спокойной совестью, как будто бы дело идет о каких-то пустяках, не имеющих значения. Взгляд Церкви совсем не таков: по ее уставу, нарушители постов (без уважительных причин), должны быть на несколько лет отлучены от причастия св. Тайн. А преподобный Серафим Саровский прямо говорил: “тот, кто не соблюдает постов — не христианин, кем бы он сам себя ни называл...” Пост, безусловно, необходим для человека — с внешней стороны он является подвигом безусловного, сыновнего послушания Церкви, уставы которой должны быть для него святыней, а не чем-то пренебрегаемым и попираемым. А с внутренней стороны, пост есть подвиг воздержания и самоограничения. И в этом — его великая ценность и смысл, т. к. строгое соблюдение постов закаляет в человеке волю и вырабатывает характер, стойкий в своих религиозных убеждениях и действиях. Не забудем того, что Сам Христос постился и предсказывал о том, что Его апостолы также будут поститься. А о борьбе со злой, дьявольской силой Он же говорил: “сей род не исходит, токмо молитвою и постом.”

Правда, теперь часто говорят о том, что пост вреден для здоровья. Конечно, бывают такие случаи, когда истощенный организм требует не воздержания, а усиленного питания. Но от больных людей Церковь вовсе и не требует строгого поста, а только посильного. А самое главное — нужно помнить то, что о “вреде” поста говорят только те люди, которые сами не постятся. А те кто соблюдают посты, — никогда этого не скажут, ибо они по личному опыту знают, что пост не только не вреден, но — положительно полезен для телесного здоровья. В этом убеждает нас и историческая действительность. Известно, как строго постились наши предки, поражая своею твердостью и выносливостью других славян и греков (не говоря уже об иноверцах). А кто же скажет, что предки наши были слабее нас, а мы выносливее и сильнее их? Уже не говорим про то, что и наши врачи, в большинстве случаев, лечение болезни начинают с диеты, т. е. с поста...

Но, конечно, пост не есть только воздержание от телесной пищи. Церковь в дни поста поет: “постящися телесне, постимся и духовне...” “Дадим алчущим хлеб и нищия, бескровная введем в дома... Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления...” Так, для христианина пост — время воздержания и самовоспитания во всех отношениях. И потому-то надлежащий христианский пост дает верующим такое нравственное удовлетворение. Великий учитель светлого христианского аскетизма, Епископ Феофан Затворник, говорит о посте следующее: “Пост представляется мрачным, пока не вступают в поприще его: но начни, — и увидишь, что это свет после ночи, свобода после уз, льгота после тягостной жизни...”

[Go to the top](#)

Миссионерский Листок # 111
Свято-Троицкая Православная Миссия
Copyright © 2000, Holy Trinity Orthodox Mission
466 Foothill Blvd, Box 397, La Canada, Ca 91011, USA

Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(npravstvennoe_bogoslovie_mitr_Philaret.doc, 11-12-2000)

Edited by	Date
Г. Карпова	11-09-2000